

Возрождение

Автор:

Олег Верещагин

Возрождение

Олег Николаевич Верещагин

Враг у ворот. Фантастика ближнего боя Николай Романов #2

Продолжение романа «Очищение»...

Отгремела Третья Мировая война, ядерная зима уничтожила то, что не смогли уничтожить ядерные боеголовки, – привычные общественные отношения. Люди превратились в хищников. Рабовладение, торговля человеческими органами, разгул бандитизма и сектантства захлестнули все человечество. Россия не стала исключением, но только в ней бывшие военнослужащие и просто люди, сохранившие понятие о чести, сплотились в добровольческую Русскую Армию, возглавляемую бывшим офицером ВС РФ Николаем Романовым. Отныне растлители детей, каннибалы и религиозные изуверы не смогут спать спокойно...

Олег Николаевич Верещагин

Возрождение

© Верещагин О., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Моей Женьке посвящается

Все шире ползут

кровавые пятна,

в железном прахе земля,

в пыли...

Так будь же готов

на подвиг ратный —

освобождение вся земли!

Ольга Берггольц. Европа. Война 1940 года

Предварение

Запасные пути открыты

Мы мирные люди, но наш бронепоезд

Стоит на западном пути!

М. Светлов

Дальневосточная Русь. Первые годы безвременья

Романов привык к тому, что по утрам снаружи воеет пурга.

Он просыпался, начиная в шесть утра свой рабочий день, под ее звук, похожий не то на стон умирающего, не то на злобный голос разумного существа. Он и засыпал под него, но – засыпая, понимал, что к чему и что происходит. А по утрам, в полусне, еще не открыв глаз, он часто удивлялся: разве сейчас не лето... поздняя весна... ранняя осень... так откуда?!

В Старом Владивостоке людей было очень мало. Большинство многоэтажных зданий, как и предполагалось, оказались слабо приспособлены к постоянным ветрам со снегом и морозом от тридцати до сорока градусов. Поддерживать в них нормальную температуру было просто невозможно. Но Большой Круг РА собирался по-прежнему в Думе, и сам Романов жил тут. Уже не в кабинете. Ему, в сущности, было все равно, но...

– Уезжаешь. – Голова Есенин пошевелилась на плече Николая. Голос был совсем не сонный.

Он, еще не проснувшийся толком, лишь теперь открыл глаза, секунду пытался понять сказанное, потом отозвался:

– Дела.

– Всегда дела. Для меня слишком мало места. – В голосе женщины не было обиды, только констатация факта.

Романов проснулся окончательно, повернул голову. Сердито сказал:

– Ну у тебя и характер.

– Потому и не тороплю тебя с женитьбой. – В голосе послышался смешок.

Романов сел, подумал, глядя в пол меж своих ступней. Снаружи все так же выла и скреблась пурга. Он сказал решительно:

– Едешь со мной. И ты, и Сенька. А женюсь я на тебе официально сегодня же... – И, видя, что Есенин с изумленным лицом поднимается тоже, коротко заключил разговор: – Все. Приготовь завтрак, пожалуйста, если уж не спишь...

...С кухни запахло яичницей. Смешно, этакое дежурное блюдо, почти символ неумения что-то готовить, хуже только пельмени. Но Есения умела готовить яичницу дюжиной разных способов – и быстро, так что блюдо никогда не приедалось. Романов подошел к окну, раздвинул плотные шторы, заходящие одна за другую. За окном были редкие дрожащие цепочки фонарей в белесой мгле, заполнившей мир. Не получалось даже услышать других звуков, кроме стога метели. Со стороны могло показаться, что весь многоэтажный дом плывет и плывет в белом колышущемся океане – и больше ничего нет. Термометр со светящимся циферблатом, закрепленный за окном, показывал минус сорок два. Самое холодное предутреннее время, к трем часам дня будет градусов тридцать, может, даже поменьше.

А в Центральной России морозы иногда, по всем данным, доходят до минус шестидесяти...

Он передернул плечами. И вспомнил, как вчера вечером, улутив полчаса среди непрекращающегося, не собирающегося уменьшаться, не то что иссякать, потока дел, он учил Сеньку ездить верхом в манеже. И свои слова, обращенные к мальчику: «Не бойся, ты не упадешь... а если упадешь – не реви... мама смотрит, помаши ей... ты мужчина, пусть и маленький – а маленькому нужно быть смелей, чем взрослому!»

И Сенька ехал очень неплохо, видно было, что Романову не врал, когда говорили, что мальчишка упорно занимается. Ему явно хотелось, чтобы его езда понравилась именно Романову, хотя мама стояла рядом, за барьером, и смотрела, не отрываясь. А когда все-таки шлепнулся, стрельнул взглядом в сторону подавшейся вперед женщины и, стиснув зубы, поднялся сам, стал отряхивать штаны...

У Есении была не очень приятная привычка – когда Романов ел, сидеть напротив и смотреть с таким видом, что хотелось дать ей щелбан. В этот раз он почти собрался с духом, но женщина совершенно неожиданно протянула руку, провела пальцами по волосам надо лбом и сказала:

– А ведь ты почти весь седой, – и добавила совсем уже тихо: – Мой седой волк.

* * *

Это было прошлой весной. Хотя от весны – одно название. Все испытывали некое томление – подсознательно ждали: сейчас начнет сходить снег, выглянет солнце... В те дни случалось много скандалов и конфликтов «на ровном месте», даже несколько самоубийств произошло. Он тогда находился у Юрзина, который теперь держал свою ставку в Камень-Рыболове, занимался восстановлением экосистемы озера и местной рыболовецкой промышленности. И в одиночку отправился на конную прогулку.

Он до вечера ездил по полям, заросшим бурьяном, торчащим сквозь постоянно курящийся дымкой снег, потом проехал окраиной давно заброшенной и уже разрушившейся деревни и встал возле развалин старого рыбозавода, остановленного и полуразобранного еще в девяностые годы. Тут, между стен, было почти бесснежно, почти тихо, но тревожно, на темном небе алым полыхали переливчатые сполохи. Романов прошел, ведя коня в поводу, вдоль глухой стены с остатками транспортера на цепях, превратившихся от ржавчины в прутья, постоял рядом с ямой, в которой лежали несколько скелетов, полузасыпанных глиняной крошкой. На стене над ямой было написано несколько матерных слов, а в бурьяне лежали гильзы – старые, прошлогодние.

Впереди виднелось здание – видимо, контора. В ней Николай и решил заночевать. И едва он об этом подумал, как вечерний воздух дернул выстрел – выстрел охотничьего ружья. Ему ответила пальба минимум из трех стволов: пистолета и двух автоматов.

Николай закинул конский повод за какую-то торчащую из стены скобу, задумчиво почесал коня над глазами. Снова бухнуло ружье, и Романов даже увидел, откуда, – со второго этажа. Что происходит во дворе – не было видно за бетонным забором, накренившимся, исцербленным, но целым.

– Пойти посмотреть? – бросил Романов вопрос в окружающее его пустое пространство. Вздохнул, чертыхнулся. Подумал, что надо было взять конвой. Ну вот надо было! А лезть – не надо.

И, на ходу доставая «макар», потрусил – вроде бы небыстро, но в то же время бесшумно и ловко – к забору...

Диспозиция была простая. Со второго этажа кто-то отстреливался из ружья (как раз когда Романов подбежал к дыре в заборе, бухнул еще один выстрел).

Посреди двора из заброшенного фонтана комично торчали ноги в обрезанных кирзачах – там валялся убитый. Сколько тут было еще народу – оставалось неясным.

– Уходите, не трогайте нас! – вдруг послышался со второго этажа женский голос – злой, неиспуганный, но безнадежный. В ответ засмеялись – сразу из нескольких мест. Потом веселый тенорок ответил:

– Да ты че, милая, кто ж тебя тронет-то?! Ты сама... И кончай палить, все одно Вовчик уже тама у тебя! О мальчонке подумай!

Кричали из-за угла здания. Судя по услышанному, кто-то из нападающих уже внутри... и... ага! Бородатый мужик с автоматом – «АКС-74» – лежал за наметенным сугробом, водил стволом по окнам.

В здании – женщина и, если верить тенорку, ребенок. Женщины бывают разные, дети тоже. Но от этих криков и от вида мужика с автоматом за версту несло бандой.

Мужик дал по окнам очередь. Его окликнули:

– Да хватит уже! Убьешь еще, покойную сам пользоваться будешь!

– Мне и покойная... – откликнулся автоматчик и, привстав на локтях, ткнулся в разложенный приклад лбом. Романов попал ему в основание черепа и спросил спокойно, громко:

– Ничего, если и я повеселюсь? – и отдернул голову от пролома.

Тдах! В полуметре от лица Романова брызнула кирпичная крошка, резко запахло окалиной. Романов присел на колени и ответил выстрелом – туда, где сознание зафиксировало вспышку, – тдыщ! Тдах, тдах! Человек перебежал от угла здания, стреляя на бегу – тдах, тдах! Тдыщ! Романов в ответ на четыре выстрела на бегу ответил одним, короткий ствол «макара» дернулся – бежавший кувыркнулся через плечо, взбрыкнул ногами, раскидал их и остался лежать.

Плохой пистолет – «макар».

Если стрелять не уметь.

Романов «скрутом» ушел вниз и прислушался. Потом свистнул. От дверей метнулся – не выдержал – еще один человек, стреляя на бегу веером. Романов вел его шагов пять, положив ствол пистолета на предплечье, потом – тдыщ!

– Ай-ай-ай! – отчаянно закричал бегущий, падая. Привстал, пополз... затих.

– Все, кажется, – резюмировал Романов и окликнул: – Сударыня на втором этаже, их было сколько?

– Не подходите, я буду стрелять! – ответил женский голос.

– У меня такое ощущение, перерастающее в убеждение, – пробурчал Романов, пролезая в дыру, – что вам элементарно нечем...

Первым делом он подошел к застреленному последним. Парень лет шестнадцати-восемнадцати был мертв, пуля попала в печень и, видимо, буквально взорвала ее. В фонтане, утонув головой в снегу, лежал еще один, лет на пять постарше, с развороченной грудью и спиной – это сработало охотничье ружье. Под стенкой валялся вооруженный «АПС» с пристегнутой кобурой-прикладом пожилой мужичонка с благообразным елейным лицом садиста – полуседую бороденку испачкала кровь изо рта, кровь была и на выскользнувшем из-за ворота засаленного камуфляжа богатом нательном крестике. Николай «угостил» его в кадык.

– Дерьмо, – вынес вердикт Романов, зевнул и направился к проему входа.

На лестнице было бесснежно, зато застарело воняло стылым ссаньем, стены были в черных звездочках от погашенных окурков и бессмысленных довоенных надписях и рисунках. Романов присмотрелся, прислушался – получить на голову табурет или шкаф было бы глупо – и взбежал по лестнице на второй этаж.

То же самое. Слева шли окна наружу, справа – вынесенные двери в комнаты.

– Я умоляю вас, не бейте меня палкой или чем-то еще, – громко сказал Романов. Заглянул в первую же комнату и понял, что дальше идти не надо.

Русоволосая, среднего роста, женщина держала на руках мальчика – лет шести-семи, светленького. Мальчишка с усталым испугом смотрел через плечо на вошедшего человека, обнимая женщину руками за шею. В глазах женщины тоже была усталость – без испуга, только усталость. В грязной теплой камуфляжной куртке, неподвижная, она чуть закусила губу и не сводила глаз с человека в дверях. Кругом лежали с десятков гильз и ружье – двустволка-горизонталка 16-го калибра.

– Не трогайте сына, – сказала женщина. У нее был непривычный говор – нездешняя.

– Я не трону даже вас, – хмыкнул Романов, убирая пистолет. – Но хочу сказать, что это неразумно – вдвоем с маленьким ребенком... эй, куда?!

Женщина покачнулась и мягко осела на пол, раньше чем Романов успел ее подхватить. Но в последний момент он принял ойкнувшего мальчишку на грудь и живот, чтобы не ушибить. Тот заплакал, отвернув от подскочившего мужчины лицо. Романов сдернул с пояса фляжку, побрызгал, чертыхнулся... но женщина как раз открыла глаза.

– Мы уже долго ничего не ели... – Она говорила еле слышно.

Мальчик плакал и теребил женщину за рукав, шепча:

– Мама, мама...

– Сеня третий день... я... не помню... Долго...

...Коня Николай завел внутрь, под лестницу, пообещал:

– Скоро приду, займусь тобой.

Конь фыркнул вслед хозяину – ему не нравились запахи вокруг. Но Николай, неся седельные сумки, уже поднимался на второй этаж.

Женщина и мальчик сидели в углу, прячась от ветра из окна. Мальчишка уже не плакал, только жался к матери, а та устало посмотрела на вошедшего мужчину

и опустила глаза. Романов поймал себя на мысли, что пытается понять, красивая она или нет. Ему нравились рослые и светловолосые – эта была, в общем-то, такая, но глаза – в черных кругах, губы тоже темные; во всем лице временами проглядывала полудетская беспомощность.

– Ешьте. – Романов сердито распотрошил сумку, бросил сухари и полосу вяленого мяса женщине. – А, черт... Мелкого не корми. – Он отстранил руки мальчика. Тот расширил глаза, жадно поглядел на еду в руках матери и опять захныкал, но неуверенно, испуганно косясь на мужчину. – Потерпит, он сейчас от такой еды после двух дней поста подохнуть может... Бульоном напою... Мелкий, собери щепки, – кивнул он мальчишке и полез в сумку за суповыми кубиками и большой флягой.

– Собери, Сеньчик, – негромко сказала женщина, слегка оттолкнув от себя мальчика.

– У меня внизу конь. Да и оружие надо забрать у этих... – Романов встал. – Вот вода, котелок, еда... Сможешь огонь развести и приготовить бульон или тебе плохо очень?

– Я все сделаю, – коротко ответила она, вставая – вроде бы без труда.

– Ну тогда я сейчас приду, – пожал плечами Романов...

Стемнело. Во все щели потягивало ледяным ветерком, и Романов досадливо подумал, что огонь видно издалека, как маяк, – надо было хоть на первый этаж спуститься: с чего это он так поглупел? Мальчик и женщина устроились у огня напротив. Женщина смотрела в пламя. Мальчишка спрятал голову у нее на боку и посапывал, но глядел оттуда уже не только с испугом, но и с любопытством.

– Кто вы? – спросила женщина. – Что вам от нас нужно?

– Ну, в первую очередь, чтобы вы не умерли, – сказал Романов. Женщина смотрела внимательно и настороженно. – Мне понравилось, как вы защищались. Что им-то было нужно?

– Сеня. – Она посмотрела на сына нежно. – И я, но ненадолго... – Она горько улыбнулась.

– Откуда вы? – Романов поудобней устроился на ящике.

– Из Перми... – ответила женщина.

– Ого, – заметил он.

– И теперь у меня нет патронов к ружью. – Голос женщины был нейтральным и напряженным. Было ясно видно, как она не хочет показывать страха и как боится на деле.

– Считаешь, что я бандит, не поделивший добычу с конкурентами? – уточнил Романов.

Женщина пожала плечами – как-то быстро и красиво. Покусала губу.

– А кто же... ты? – Она тоже перешла на «ты». – Властей тут никаких нет. Я надеялась, что тут не так плохо, как у нас...

– Ну, если исходить из этого критерия... – кивнул Романов. – Хотя до властей ты совсем чуть-чуть не дошла... – Женщина посмотрела удивленно, а он продолжал расспросы: – А что, у вас совсем плохо?

– Я не знаю, мы уже больше года кочуем... Было очень плохо, работы не стало совсем... никакой... центр города весь уничтожен... И эпидемия, банды потом...

– А ты кто? – уточнил Романов.

– Экономист.

– Бухгалтер?

– Ну... да... А ты кто?

– Не бандит, – отрезал Романов и снял с огня котелок. – Пои пацана, только осторожно.

Он смотрел, как мальчишка пьет, давясь. Потом – отвалился, что-то зашептал матери на ухо, обняв ее руками за шею. Женщина вдруг улыбнулась и сказала, глядя на Романова:

– Сеньчик говорит, что ты добрый.

– В целом да. – Романов хрустнул сухарем. – Не скажу, что я исхожу добротой, но на женщин с детьми точно не охочусь... Тебя как зовут?

– Есения, – представилась женщина.

Романов хмыкнул:

– Ого. Красиво.

– Да, вот такое имя, – слабо улыбнулась женщина. – А тебя?

– Спорим, что ты не знала никогда ни одного человека с таким сочетанием имени и фамилии? – Романов взял котелок, поболтал остатки бульона, выпил. – Три попытки.

– Арнольд, – усмехнулась Есения.

– Мимо.

– Иван. Честное слово, ни разу в жизни не видела человека по имени Иван.

– Не угадала.

– М... э... Лев!

– Хорошая попытка, но тоже не то. Николай. – Романов опять хрустнул сухарем. – Но не просто Николай, а – Романов. Сама ешь давай, а его уложи, он спит уже.

– И правда редкое сочетание. – Есения осторожно, нежно уложила мальчика на раскатанное одеяло – армейское, такое было и у самого Николая. Задержалась над сыном, поцеловала, накрыла было своим одеялом, но Романов молча перебросил одеяльный сверток. Она осторожно, все так же ласково укрыла мальчика и принялась есть – жадно, но аккуратно.

– Много не ешь, мне не жалко, но желудок сорвешь, – заметил Романов. – Я сейчас костер погашу и так сглупил со вторым этажом. И давай спать, я полдня ездил и предполагал вернуться в тепло, между прочим. Ляжем рядом, а то померзнем...

...Есения лежала рядом, глядя в потолок. Когда Романов предложил уложить мальчика между ними, то женщина посмотрела удивленно, шевельнула губами, но спросить ничего не спросила. С другой стороны лежало вполне бесполезное ружье.

Мальчишка, было проснувшийся, когда начали устраиваться взрослые, забрался под одеяла поглубже, попыхтел, повозился – да и уснул снова намертво. Романов привычно спал, поминутно просыпаясь и ощущая, что соседка не спит, она напряжена, как струна. М-да. Станется с нее – еще попытаться зарезать, с усмешкой подумал он. Не получится, но возня...

– Ты не спишь? – спросила женщина еле слышно.

– А ты почему не спишь? – ответил вопросом Романов.

– Их было трое, и ты всех убил.

– Я ненавижу убивать, даже плохих людей, – хмуро отозвался мужчина. – Сначала нравилось, но потом это стало получаться слишком легко. Но оставлять такую плесень в живых – уж точно никуда не годится...

– А кто ты все-таки? – Голос Есении был равнодушно-напряженным.

– Какая тебе разница?

– Я боюсь одна, – сказала Есения. – Я очень боюсь одна. Я до такой степени избоялась за этот год, что уже не знаю, как это – не бояться. Больше всего боюсь, что умру от какой-нибудь болезни или еще что-то случится, и Сеня останется один.

– Не останется, – ответил Романов, глядя в потолок.

Женщина вздохнула:

– Ты возьмешь нас с собой?

– Тебя – если хочешь. А его возьму в любом случае.

– А куда? – напряглась еще сильнее и продолжала допытываться женщина.

– Послушай, если бы я был убийца, насильник или людоед, вас бы уже не было, – откликнулся Романов.

– Может быть, тебе выгодно, чтобы мы шли сами, куда тебе нужно, – рассудительно ответила женщина.

Романов хмыкнул – в этом была логика. Подтянул к себе трофейный «АКС-74», стараясь не лязгать, передал женщине:

– На. Он заряжен, еще патроны дам утром. Умеешь пользоваться?

– Кто ты? – повторила Есения, беря оружие. – Умею, но кто ты?

– Я не одиночка, – ответил Романов, привставая на локте. Волосы женщины падали ей на лицо и грудь – видно, что она старалась более-менее ухаживать за ними. – И я не из банды.

– А что от нас будет нужно? – Она положила автомат рядом, на ружье.

– Работать, – пояснил Романов. – Где прикажут. Может, и по бухгалтерской части, не знаю, я... в общем, это не мое дело. Это не рабство, у нас все работают.

Мальчишка будет ходить в школу и тоже работать по мере сил. Ну и жилье будет. Не хибара, хороший дом.

Женщина покачала головой:

– Не верю. Это сказка. Такого не бывает.

Романов перегнулся через спящего ребенка, запустил пальцы в ее волосы и накрыл губами ее губы...

– Веришь? – тяжело дыша, спросил он через минуту, не меньше, чуть отстранившись. Глаза женщины зло блестели, она подняла отталкивающим жестом руку... но вместо толчка или удара обхватила шею мужчины, притягивая его к себе.

– Не верю, – выдохнула она, ловя солоноватыми губами губы Николая. – Не... мхх...

– погоди, – сказал Романов еще через минуту. – Постой, пацана испугаем. Иди сюда, ну, быстро иди сюда...

Она начала отбиваться молча и яростно, шипя, как кошка, только матом. В какой-то момент разодрала Николаю щеку... и вдруг вцепилась в него уже по-другому, как будто больше всего на свете боялась, что мужчина растворится в ее руках...

...Он проснулся, потому что – по ощущению – настало утро. Хотя когда Романов отогнул край одеяла, то, конечно, увидел всего лишь полутьму, а по лицу резануло холодом. Он поспешил выбраться наружу и запахнуть одеяла. Постоял, прислушиваясь и вглядываясь. Подумал, что его, конечно, уже ищут, и ощутил что-то вроде раскаянья. Посмотрел на спящих под одеялами спасенных и тихо, бесшумно, вышел из комнаты.

Конь, привязанный под лестницей, приветствовал хозяина вполне бодрым пофыркиванием. Романов задержался, разложил на выступе стены несколько брикетов корма из сумки, которыми животное немедленно захрустело. Постоял в коридоре, продолжая прислушиваться и присматриваться. Снег перестал идти,

но понизу все равно мело, неугомонный ветер крутил поземку-пургу, врывался во двор... Было холодно, но все-таки чуть посветлело, он вышел наружу, прошел по двору и вдоль стен. Никого нигде. Вчерашние трупы уже занесло. На востоке тучи были подсвечены угрюмым багрянцем, казалось, они там шевелятся. Потом на их фоне взлетела бесшумно и рассыпалась на три медленно падающих красных звездочки ракета, и Романов понял, уже с настоящим раскаяньем, что его и правда ищут, причем вовсю. И заторопился обратно в дом.

Мальчишка Сенька, оказывается, уже проснулся. Он стоял на половине лестницы, опасливо и в то же время с интересом рассматривал коня – тот поел и теперь дремал, опустив голову. Романов подошел, встал чуть пониже – чтобы глаза мальчишки оказались на одном уровне с его глазами.

– Поедешь со мной? – предложил он прямо.

Ему хотелось, чтобы Сенька согласился не просто так, а с искренним желанием. Мальчик опасливо поднялся на ступеньку.

– А мама? – спросил он тихо.

Николай кивнул вверх. Сенька обернулся. Есения – с автоматом на груди, ружьем за плечами и одеяльными свертками в руках – спускалась по лестнице...

...Скачущих тяжелым галопом всадников было пятеро, под ярким даже в сумраке флагом с синей сваргой. Казалось, они плывут над поземкой. Впереди скакал Юрзин, Романов его узнал – встревоженный, видно сразу. И видно было, что ему хочется обругать Романова с ходу и покрепче.

– Кто это? – Есения позади Романова вздрогнула, Сенька, сидевший впереди, в надежном кольце мужских рук, тоже сжался.

– Это свои, – досадливо ответил Романов. И остановил коня, который поприветствовал скачущих ржанием.

Юрзин подскакал первым. Быстро посмотрел на «пассажиров» и ограничился только тем, что сказал со вздохом:

– Твое величество... – но это как раз и прозвучало как ругательство, и неслабое.

– Так уж вышло, – ответил Романов. – Кстати. Ты что это банды распустил? Я вчера вечером в одиночку ликвидировал такую...

– Захожие небось, – без особого интереса буркнул Юрзин, рукой показывая конвою, что можно поворачивать. – За всеми сразу не уследишь...

Один из всадников выпустил в небо еще ракету, на этот раз зеленую, и вся группа уже шагом поехала обратно.

– А кто это? – теперь тихонько выдохнул уже Сенька, спиной изо всех сил прижимавшийся к Романову. – Кто? Они хорошие?

– Хорошие, хорошие, – ответил Романов. – Это... гм... очень хороший дядя Юрзин с другими хорошими дядями. Они искали меня и сердятся, что не сразу нашли. И теперь мне влетит. И вообще-то за дело, если честно.

– А он тебя назвал так... странно – в шутку? – спросила Есения из-за спины.

– Не совсем, – ощутив неловкость, ответил Романов. – Я... я тут как бы всей этой территорией правлю. По мере сил и возможностей. Но насчет величества – это он чтобы не обматерить при женщине.

– Так ты... – Есения даже наклонилась вбок-вперед, рассматривая Романова чуть удивленно, явно стараясь подобрать слова. Покачала головой и с заминкой сказала: – Император?

– Не похож? – не обиделся и не стал поправлять он.

– Не очень. Я думала, что ты фермер или просто искатель приключений... Получается, что и про работу, и про дом – это правда, что ли?

– Правда, – отозвался Романов. И почувствовал, как женщина за спиной обмякла и начала коротко, часто вздрагивать, издавая какие-то тихие, жутковатые звуки. – Не свались, – попросил ее Романов...

...Есения Власова и правда оказалась хорошим бухгалтером и вообще организатором. Конечно, она привыкла иметь дело с электронными программами расчетов и электронными же деньгами, но и классическую бухгалтерию знала отлично. Уже довольно давно, немногим меньше года, рудиментарная денежная система нового государства базировалась на золотом стандарте – правда, в реальном обороте золота не было, ходили деньги-боны с передержкой, с ежемесячным «удержанием за простой». Да и сфера их применения была не очень широкой, потому что карточки, пайки и талоны прочно прописались в жизни людей. Иначе, видимо, было просто невозможно, по крайней мере – пока. Однако все расчеты на бумаге велись с привязкой к золотому червонцу. Аппарат, занимавшийся этим вопросом, был невелик, но Есения пришлась там вполне ко двору.

Сенька, как и дети почти всех витязей, учился и жил в Лицее. Романов временами забывал, что мальчик ему вовсе не родной. Сеньке было семь, когда Романов встретил Есению с сыном, и, надо сказать, мать проявляла недюжинные отвагу и ум, защищая мальчика. Но сам по себе мальчишка – росший без отца, обычная история, слабоватый физически, да еще и напуганный происходящим, необходимостью постоянно скрываться, бежать, бояться, – не очень-то подходил для самостоятельной жизни. Кроме того, он сильно скучал по матери, а она – по нему, и жизнь мальчика в Лицее сперва была очень нелегкой.

Но постепенно все наладилось. Мальчишками занимались профессионалы, кроме того, Сенька подсознательно всем сердцем стремился быть настоящим мужчиной, потому что в его понимании это связывалось с отсутствием измучившего его страха, спокойствием, умением защитить себя и ту же маму. Конечно, в мирное время сделать из него мужчину вряд ли получилось бы – просто потому, что ему всегда было куда отступить. Сейчас оставалось лишь стиснуть зубы, терпеть и стараться. Романов снова и снова удовлетворенно убеждался, что мальчик втянулся, и это подтверждали воспитатели и тренеры. Атлетом Сеньке стать не светило – не то физическое сложение, но он оказался быстр в реакциях и при этом осмотрителен, очень сообразителен, любил животных и умел завязывать с ними контакты. Единственное, что беспокоило, – у мальчишки была аллергия на фруктовые сахара, и это могло ему закрыть путь в витязи. Но так далеко Романов пока что не заглядывал...

Решение взять Есению с собой – уже как полноправную жену, но при этом и как специалиста – Романов принял и менять не собирался. Сеньку он хотел оставить. Но потом решил, что все-таки имеет право и его взять с собой.

Именно как лицеиста.

* * *

Женька Белосельский ждал в кабинете – спал, сидя в кресле у входа, но, едва Романов начал открывать дверь, тут же открыл глаза, не сделав больше ни одного движения. На коленях у него лежала папка со сводным ночным докладом, Женька придерживал ее правой рукой, затянутой в черную перчатку. После памятного боя у Камень-Рыболова руку Женьке удалось спасти, она действовала, но постоянно очень сильно мерзла. Кроме того, Романов подозревал, что Белосельский втайне гордится этой перчаткой. Женька сильно вырос – физически вырос, внешне это был уже не напуганный мальчишка, спасенный Романовым на набережной, и даже не упоенно играющий в секретного агента подросток, а рослый, плечистый и спокойно-уверенный скорей уже юноша. Еще более вырос он морально. Но вот такие маленькие странноватые приметы детского тщеславия в нем оставались, и Романов был немного рад этому. Потому что не мог отделаться от мысли, что Женьке, в сущности, следует учиться в десятом, а то и в девятом классе.

Потом он, уже привычно, бросил взгляд на рукава Женьки...

Не столь давно решено было принять для только-только зародившихся вооруженных сил старую императорскую систему званий и одновременно восстановить гражданскую Табель о рангах. Обшлага рукавов Женькиного армейского свитера украшали серебряные звезды и лычки – две звезды и две лычки коллежского советника, полковника по военным аналогиям. Практически все были уверены, что такое высоченное звание для совсем молодого парня связано с его адъютантством при Романове.

О Черной Сотне мало кто знал. И еще меньше было тех, кто знал ее руководителя.

Но сейчас Романова интересовал вопрос, который не касался никаких военных или разведывательных дел. Поэтому, принимая у Женьки папку, он спросил:

– Ты ведь женат?

– Ну да, конечно, – кивнул Женька. Следует сказать, что он был не просто «женат» – во-первых, Маринка уже пару месяцев ходила беременная, а во-вторых – с Белосельскими жил Витька. Тот самый мальчик, спасенный из клиники трансплантологии, – ему удалось выздороветь и выжить. Сейчас ему было десять, и фамилию ему Белосельские дали свою – «природной» он не помнил, как не помнил почти ничего из прежней жизни, стресс оказался слишком велик.

– Жень, а как вы женились? – задал Романов вроде бы идиотский вопрос. Но Женька понял его смысл сразу – и слегка смущенно пожал плечами, тонкий шрам на щеке покраснел:

– Но... в сущности, никак. Нет, правда. Живем просто вместе, записаны в местной переписи как семья. А если вы про обряд – то ничего не было такого. И даже не играли свадьбу.

– Не годится. Совершенно не то, – вздохнул Романов, усаживаясь за стол и открывая папку. Уже глядя в нее, попросил: – Жень, найди и пригласи ко мне Жарко. Надо кое-что срочно разработать. Очередную традицию.

* * *

У художника, который рисовал картины для Думы, был неуживчивый характер, что Романов понял еще во время первых встреч, и смешная фамилия Лисичкин, а вот ее Романов узнал позже. До того, как все ЭТО началось, еще совсем молодой парень просто-напросто нищенствовал. То, как он рисовал, начисто никому не требовалось. А рисовать иначе он не умел.

Когда Романов увидел его первую картину – ту, где были серый берег и мертвые киты, – то она ему просто понравилась. Что Лисичкин талантлив, он понял позже, когда всерьез переговорил с художником и посмотрел его работы. Он оперировал именно этим критерием: «Мне понравились ваши работы».

В старых картинах молодой художник просто запечатлел Жизнь. Таковую, какой она была. Без прикрас, без надрыва, без чернухи, без славословий кому бы то ни было. Понятное дело, эти выхваченные из окружающей людей реальности кусочки не находили спроса. Ни у любителей приторного идиотизма –

яркоцветных лесков и озерец, перерисованных и раскрашенных компьютерным методом, ни у больных на голову «новаторов», молившихся на претенциозную бездарность черных квадратов. А «Берег гигантов», как была названа Та Картина, стал в творчестве художника практически водоразделом. Это могло показаться почти смешным, но картины Лисичкина стали похожи на яростные вспышки пламени, на торжественный гимн и свирепую боевую песню, на бой и радостный танец. Иметь дело с художником было трудно. Он лез в схватки, в одиночку колесил по опасным местам и делал там наброски, несколько раз сидел под арестом, скандалил... и продолжал оставаться неистово верным изображению человеческого мужества и упорной воли строителей новой России. И, несмотря на свою неуживчивость, именно Лисичкин предложил устроить в многочисленных опустевших помещениях Думы картинную галерею. Романов заподозрил было, что художник скажет «имени меня» или, не дай Свет, «имени вас, Николай Федорович». Но художник поместил здесь лишь несколько своих картин. Остальные – самые разные – он собрал отовсюду, откуда только можно. Но их объединяло одно: это были Полотна. И что это так, становилось ясно с первого шага по комнатам. С первого взгляда.

«Почему все же так волнуют изображения, созданные художниками, если подобные можно сделать обычным фотоаппаратом? – размышлял Романов, неспешно проходя по комнатам. – Даже сейчас можно, хотя возни больше, чем с цифрой. И фотоаппарат передаст все то, над чем бьются мастера кисти...»

Он остановился у серии карандашных набросков, фамилию автора которых даже не пытался разобрать. «Дружинники Русакова после боев за Дальнегорск». «Профессор Лютовой на крыльце своего дома». «Рукопашная с хунхузами на берегу оз. Ханка». «Освобожденные дети-рабы»...

Нет. Не сможет этого передать фотоаппарат.

Он обернулся – по комнате кто-то шел. Мальчишка-кадет, в форме, с «АКМ» на боку. Кадеты тут дежурили – именно кадеты, не лицеисты. Видимо, пришел проверить, но теперь, увидев Романова, вытянулся по стойке «смирно».

– Вольно, вольно. – Романов еще раз бросил взгляд на карандашные наброски, подошел ближе к мальчишке. – Я тебя потревожил, вижу... Сейчас уйду – и дежурь спокойно.

– А вы меня не помните? – Мальчишка неожиданно улыбнулся. Романов посмотрелся в него и... вспомнил!

– Ты щенков тогда принес, – сказал он уверенно. – В самом начале. Чтобы их не съели.

Улыбка мальчишки стала еще шире:

– Ага, точно... А я думал, вы не вспомните.

Романову стало почему-то очень-очень хорошо на душе от того, что мальчишка – жив. А тот продолжал уже совсем непринужденно:

– Они у Евдокии Андреевны в питомнике жили, а сейчас на службе. Они же настоящие овчарки. Породистые!

Он и сам походил на породистого щенка – рослый, худощавый, в отлично сидящей форме и самую чуточку неуклюжий. С удовольствием его разглядывая, Романов спросил:

– Так ты кадет теперь... А потом куда хочешь? В гвардию?

– Не, в гвардию меня не возьмут, – грустно сказал мальчишка и поправил на боку автомат. – Я требования уже смотрел... Мне еще почти два года учиться, а потом, наверное, будут уже отдельные танковые войска... – Это был, по сути, лукавый вопрос: мол, я ничего не спрашиваю, но вы же должны знать... – Я в танкисты хочу.

«Танкистов, наверное, не будет», – размышлял Романов, слушая кадета. В проекте, который лежал у него для ознакомления перед вынесением на Большой Круг, предполагалось в процессе продолжения военной реформы и дальнейшего формирования новой армии воссоздать несколько видов кавалерии, чтобы придать романтичности и заманчивости армейской службе. Верней, кавалерии только по названию. Разрабатывавший проект генерал Белосельский предложил деление на кирасир, драгун, гусар и улан. Кирасирами должны как раз были называться служащие в танковых войсках... Драгунами – в мобильных частях, оснащенных машинами огневой поддержки и предназначенных для

непосредственного взаимодействия с пехотой. Гусарами – бойцы в мобильных частях разведки, и уланами – в мобильных частях, предназначенных для глубинных рейдов. Так что парень будет, наверное, кирасиром... Правда, реформа эта – дело достаточно отдаленного будущего.

Он подумал так – и радостно поразился этой мысли.

Отдаленного будущего. Если можно так думать, то, значит...

И, словно отвечая его мыслям, откуда-то – похоже, с лестничной площадки – донесся шум, который заглушила песня, исполняемая сильным чистым голосом:

– Эта грозная дева зовется Русь, у нее в поэзии кровь...

– Антон из «Смешариков». – Кадет повернулся на голос, потом – снова к Романову: – Это вы с ним встретиться хотели?

– И с ним тоже, – кивнул Романов, ощущая, как начинает нарастать напряжение, пусть и радостное, но почти мучительное. – Ну, я пошел. Счастливого дежурства, кадет!

Мальчишка подтянулся. Отсалютовал – четко, ловко. И – улыбнулся...

Нет, «Смешарики» не распались, хотя и мальчишки, и девчонки учились в разных школах. Но нередко собирались, чтобы «вспомнить старое», и не только на словах – дать представление или концерт. Если намечался концерт, то к ним присоединялся Тоха. Антон Веденеев. Его взял к себе Сажин, и, хотя у бывшего морпеха и бывшего романовского дружинника, а ныне штабс-капитана преображенцев уже был приемный Мирослав и недавно родилась своя собственная, родная дочка, – Антона он поселил у себя охотно, обрезав вежливо-смущенное бормотание мальчика на тему «но как же... вам же будет трудно...» коротким повелительным и чуть насмешливым «не глупи».

Трудно ему скорей было с Мирославом. Подросший найденыш требовал к себе повышенного внимания, потому что не знал никаких краев и берегов, легко переступая нормы поведения. Кроме того, он то и дело терялся на ровном месте. Кто-то даже говаривал, что видел Мирослава на льду замерзшего залива... со

стаей волков, которым он что-то авторитетно объяснял, а те почтительно слушали. Романов не знал, относиться к подобным известиям серьезно – или как к части нового, постепенно складывающегося фольклора. Снежная Королева, например, персонаж полузабытой сказки, прописалась прочно в детской его части. А некий Черный Байкер, которого видели множество людей и уверяли в этом остальных, – так даже и во взрослых рассказах, причем жутких. Доходили слухи и о том, что современные витязи тоже становились героями «былин» – рассказывали, например, один из них, чтобы накормить голодающих детей, прошел, как по ровному месту, по минному полю до продуктового склада, и ни одна мина не взорвалась...

...Вообще же, всяческие развлечения устраивались на удивление часто, причем самими же людьми, без «инициативы сверху». Романов еще тяжело раздумывал над списком официальных праздников, а люди уже, не спросив никого, установили и Новый год, и шумный страшноватый Корочун, и непонятно почему возникший 14 февраля Праздник Дома с торжественным зажжением огня. Совершенно неожиданно всплыл Праздник Труда – 1 Мая, а День Знаний, приходящийся на 1 сентября, чуть ли не в ультимативной форме потребовали восстановить не родители и не учителя, а делегации самих ребят, учеников...

Романов ничуть не был против. Он отлично понимал стремление людей и отдохнуть, и расслабиться, и просто повеселиться наперекор ледяной ветреной ночи... Все витязи сходились на том, что было бы намного хуже, если бы люди – как в первые месяцы организации РА – не выступали с инициативами, а массово ждали, когда и что им прикажут делать. И даже когда начнут их «веселить»...

Он тряхнул головой, и стоявшая рядом Есения удивленно и вопросительно посмотрела на него. Романов шепнул:

– Все нормально... Ты готова?

– Готова, – коротко ответила женщина. И добавила: – Хотя я почему-то ужасно боюсь.

«Я тоже», – подумал Романов, но не сказал этого вслух. Вместо этого он перевел взгляд на лестницу.

Здесь находились почти все витези Дальнего Востока – тридцать человек, примерно треть из которых с Романовым практически с самого начала. Вообще они съехались во Владивосток на отправление «России», а получилось – очень удачно. По случаю торжества никто из них не пренебрег парадной формой. Поверх белых курток, перетянутых золотистыми ремнями, на которых висели полевые ножи, были накинuty черные плащи, тяжело свисавшие почти до каблуков сверкающих черных сапог (в них заправлены белые с золотым лампасом брюки) с золотыми шпорами. На плечах плащи крепились массивными оплечьями-эполетами с бахромой и гербами. Выстроившись по обе стороны на ступеньках, витези замерли, вскинув руки в салyте. Наверху в чаше почти неподвижно горело золотисто-алое пламя, за которым чуть колыхался личный штандарт Романова. Он же – государственное знамя.

Рука об руку с Есенией Романов застыл на нижней ступеньке. Он ощущал, как взволнована и, пожалуй, напугана женщина рядом. И сам чувствовал странное напряжение...

Колыхнулся штандарт. Метнулось пламя в чаше. Рука Есении вздрогнула, да и Романов с трудом удержался от того, чтобы вздрогнуть, потому что лестница грянула:

– Русь! Русь!! Русь!!! Слава! – А между штандартом и пламенем появился Антон Веденеев. Седой мальчишка, одетый в белое. Бледный, несмотря на подсвечивавшие его лицо отблески колышущегося пламени. Он смотрел на Романова, глаза Антона казались слишком большими. Мальчик протянул обе руки над огнем – и раздался его голос, сильный, но в то же время все еще очень юный. И Романов вскинул голову выше, вслушиваясь в то, что Веденеев поет...

Рощ березовых нежные краски,

Синь озер, журавлиный полет —

Как прекрасно, что это не сказка!

После сумрака будет восход!

Из венца Побеждающей Девы

Ты упала на землю для нас,

Ты чиста среди грязи и гнева,

О Россия – небесный алмаз!..[1 - Стихи М. Струковой. Именно этой песне позже предстоит стать официальным гимном Русской Империи. – Здесь и далее примеч. автора.]

– Идем, – шепнул Романов Есении, и та, ответив почти беспомощным взглядом, оперлась на протянутую руку и пошла рядом. Они под аркой протянутых рук медленно поднимались по ступенькам, словно бы впечатывая в них шаги, а слева и справа гремело с каждым шагом:

– Русь! Слава!

– Русь! Слава!

– Русь! Слава!

И на последней ступеньке грянуло:

– Николай! Есения!

Женщина, стискивая руку Романова, вздрогнула. Романов, глядя в глаза замолчавшего, но по-прежнему стоящего за колышущимся огнем мальчишки, буквально заставил Есению вытянуть руку к пламени – вместе со своей рукой – и заговорил:

– Я Николай сын Федоров из рода Романовых, витязь и дворянин, беру в жены эту женщину и клянусь быть ей опорой и защитой и отцом ее дочерей, пока не разлучит нас смерть. Слово мое твердо. Пусть слышат его Огонь, мои товарищи и Стяг Русский.

Он чуть пожал пальцы Есении. Но она, похоже, не нуждалась в напоминании – и Романов пораился, какой у нее звучный и... значимый, что ли?.. голос:

– Я, Есения дочь Михайлова, Власова, беру в мужа этого мужчину и клянусь быть ему поддержкой и радостью и матерью его сыновей, пока не разлучит нас смерть. Слово мое твердо. Пусть слышат его Огонь, и все люди, и Стяг Русский.

Подняв по-прежнему сцепленные руки над головами, они повернулись лицом к лестнице. Антон за их спинами громко сказал:

– Огонь слышал! Стяг Русский слышал!

– Слава! Слава!! Слава!!! – грянула лестница...

* * *

Последнее, на ближайшие пару лет точно, совещание Большого Круга в его нынешнем составе проводили в... столовой. Просто потому, что по вине Романова никто из собравшихся толком не успел поест – известие о свадьбе, да еще и по новому официальному церемониалу, упало на витязей как гром среди ясного неба. Но, судя по всему, и свадьбу восприняли кто с удовольствием, кто, по крайней мере, как должное – и церемония всем очень понравилась.

Впрочем, специально Романов об этом никого не расспрашивал. Перед сегодняшним вечером следовало всерьез подвести итоги. Кроме того, его то и дело посещали приступы самого обычного страха – казалось, кто-то шепчет на ухо: «Не уезжай... не замахивайся... остерегись...», – и этот шепоток сильно мешал сосредоточиться.

А сосредоточиться было просто необходимо.

Население княжества на данный момент составляло чуть больше миллиона человек, из них примерно двести тысяч мужчин в возрасте 14–49 лет, большинство из которых входили в дружины самообороны населенных пунктов. В дружинах витязей состояло около полутора тысяч бойцов. В Селенжинском и Владивостокском лицеях училось девяносто человек, будущая смена витязей. Пять кадетских школ с общим числом кадетов в тысячу мальчишек 10–13 лет готовили пополнение для регулярной армии, первый выпуск вот-вот ожидался. Регулярная же армия состояла пока из двух полков по двести человек: Преображенского и Семеновского, костяк которого был сформирован не столь давно из бывших уссурийских суворовцев (название «Семеновский» выбрали лишь потому, что Романову не пришло в голову ничего лучше этого исторического наименования, которое удачно сочеталось с названием «Преображенский полк») – и трех казачьих конно-моторизованных сотен:

Амурской, Забайкальской и Уссурийской (общей численностью на самом деле в 287 человек). Выборным атаманом трех официально восстановленных сотен стал Олег Провоторов; казаками же всего себя числили около двенадцати тысяч человек, и жили они несколько по-особому, возрождая и в городских сообществах, и в одиннадцати старых и вновь возникших станицах старые традиции не на словах, а на деле или придумывая традиции новые, которые выдавали за старые, что особо никого не удивляло и не беспокоило.

В распоряжении возглавившего наконец-то созданную полицию Самарцева имелось сорок патрульных полицейских и следственный отдел из двенадцати человек – большего и не требовалось. В населенных пунктах, как правило, выбирали не зависящего ни от кого, кроме местного Совета, участкового. Эта практика уже доказала свою полезность в реальной жизни.

Численность всех трех спецслужб – КГБ, РУ и Черной Сотни – составляла 230 человек. И эту цифру точно знал только сам Романов. Впрочем, и сама Черная Сотня для большинства людей была то ли легендой, то ли странным названием какого-то особого отдела романовской канцелярии, который занят непонятно чем...

Флот – и военный и гражданский – законсервировали и отдали под полный надзор Муромцеву, у которого имелся отряд специальной охраны из пятидесяти восьми бывших морских пехотинцев. То же сделали и с авиацией и средствами ПВО, хотя там оказалось проще – консервировали целиком ангары. Этим занимался полковник Сельцов.

Подводная экспедиция Северейна так и не вернулась. Впрочем, надежду еще рано было оставлять. И эта неприятность была как бы не единственной в череде успехов.

Сосредоточенная на окраинах контролируемых РА уцелевших более или менее крупных городов – Владивостока, Уссурийска, Находки, Дальнереченска, Дальнегорска, Бикина, Зеи, Тынды, Сковородина, Северобайкальска, Чегдомына – возрожденная и заново созданная промышленность работала с полной отдачей, правда, пока в основном на вторсырье. Давно уже озаботились возвращением на работу раскиданных демократией кадров инженеров и квалифицированных рабочих. Время, кстати, было почти упущено – многие спились, многие утратили навыки, многие потерялись сами, почти все были уже, можно сказать, стариками, – но в ФЗУ и СХШ[2 - ФЗУ – фабрично-заводское

училище, СХШ – сельскохозяйственная школа. Подробнее о них рассказано в части первой.] официально установили полувоенные порядки – со строжайшей дисциплиной и до отказа забитым занятиями 10-часовым учебно-рабочим днем. Старики передавали молодым почти утраченные навыки работы руками и головой, а не пальцами и языком.

Но более половины населения жило все-таки в небольших поселках и селах «на земле» – связанные друг с другом железнодорожной Ванинской веткой, «ледовой дорогой» Владивосток – Ванино, по которой курсировали аэросани, да редкими, но железно регулярными рейсами тех же аэросаней между населенными пунктами. Во-первых, сколь-либо крупные города стали вызывать у большинства людей подсознательную опаску – как ловушки, в которых в любой момент могут начаться голод и болезни. А во-вторых, сельское хозяйство стало в нынешних условиях очень сложным и тяжелым делом, требовавшим той же электроэнергии больше, чем промышленность.

Типовым жилищем княжества, хотя это далеко не всегда соблюдалось, официально утвердили рубленый дом проекта «Сибиряк» (никакого кирпича, бетона и камня для строительства жилья!) с прилегающим участком земли площадью около полугектара, на котором располагались в числе прочего оранжерейный фруктовый сад и парник-ягодник. На участке имелись баня, гараж, погреб и хлев, рассчитанные на содержание коровы с телятком и лошади. Еще были птичник для трех десятков кур и десятка гусей, сарай для хранения инвентаря и корма для животных, парник, компостная яма, фильтрующий колодец для слива сточных вод, небольшой утепленный пруд пять на пять метров и глубиной полтора, садовая печь.

Дом оборудовался дровяно-электрическим отопительным котлом и печью для приготовления пищи, 60-литровым дровяно-электрическим нагревателем, накопительным баком для холодной воды на 200 литров, душевой кабиной, биотуалетом в специальной комнате, водяной скважиной с электрическим и резервным ручным насосами, газовой плитой с баллонами и электроплиткой. Электроэнергия поступала чаще всего или от общинных либо частных ветряков – или от работающих электростанций, если была такая возможность.

В каждом хозяйстве имелся мотоблок с насадками (плуг с дополнительной приставкой с рукоятками для использования с лошадей при посадке картошки в борозду, культиватор, окучник, косилка, насос и поливочный шланг, шнек-снегоочиститель, тележка на четыреста килограммов с дополнительным

дышлом для использования с лошадью) и бензопила. Мотоблоки чаще всего простаивали в расчете «на будущее», в которое было трудно верить, но – верилось. Хотя и полный набор птицы и скота, по правде сказать, пока что редко где встречался – и, кроме того, в мирное время мало кто думал, что должно пройти немало месяцев, а то и лет, пока животные на самом деле станут рентабельными в содержании. Так, чтобы новорожденная телочка на самом деле сделалась «кормилицей», должно пройти года три. Поэтому пока что основное производство продуктов питания было налажено на «общественных началах», на базе немногочисленных уцелевших сельскохозяйственных предприятий и фермерских хозяйств.

Неснижаемый резервный запас топлива в каждом таком доме-хозяйстве составлял десять литров моторного масла, двадцать литров бензина, пять литров трансмиссионного масла. Каждый мужчина, достигший двенадцатилетнего возраста, неважно, состоял он в ДОСАФ или Трудовой Армии, обязательно имел нарезное оружие – хотя бы один длинноствол; наиболее распространенными среди населения были самые обычные «калашниковы» разных модификаций со складов мобрезерва. Хотя, конечно, встречались самые разные, даже очень экзотичные образцы – особого регламента не было.

Когда за прошедшее время выстраивалась структура новой жизни, дебатов и споров было много. Предлагались фантастические теории, некоторые даже претворяли в жизнь. Другие теории – вроде бы вполне обыденные – не работали категорически. Например, окончательно была похоронена теория о «фермерах, которые накормят Россию». В нынешних условиях фермер, работая с немаленькой семьей по 12 часов в сутки, мог накормить разве что себя. И при этом ни на что другое, кроме примитивной борьбы за существование, не оставалось времени. Посему каждый поселок представлял собой еще и общественное кооперативное предприятие, управлявшееся поссоветом во главе с выборным старостой, который в «стратегических вопросах» подчинялся самому ближайшему «по месту прописки» витьязю. А «тактические» решал сам. Романов хорошо помнил росписи этих поселений – они в самом деле напоминали списки и схемы воинских частей...

Подразделение:

I. Растениеводческое подразделение

II. Животноводческое подразделение

1. Молочно-товарная ферма.
2. Ферма откорма крупного рогатого скота.
3. Птицеферма куриная (в т. ч. инкубатор).
4. Кроликоферма.
5. Кошара (овцы и козы).
6. Пасека (как правило, законсервированная).
7. Свиноферма.

III. Подразделение заготовки непрофильной продукции

IV. Подразделение хранения и переработки

V. Медицинский пункт

1. Стоматолог.
2. Хирург.
3. Ветеринар.

4. Медбрат – водитель санитарных аэросаней.

5. Уборщица-санитарка.

6. Лаборант.

VI. Подразделение эксплуатации агрегатов

VII. Школа (ФЗУ и/или СХШ)

VIII. Мастерская, а также мини-заводы, цеха (при наличии базы)

Везде имелись кооперативные магазины, предназначенные для реализации продовольственных и промышленных товаров по обмену или безналичному взаимозачету, и бесплатные столовые, в которых кормили два раза в день школьников, трижды – караульных, а также давали обед людям во время общественных работ. Общественные работы были неотъемлемой частью жизни поселений – выяснилось достаточно быстро, что выжить в одиночку не может ни один «крепкий хозяин».

В дружину самообороны входило все боеспособное мужское население каждого поселения (14–49 лет) – в обязательном порядке, мужское старше 49 лет и женское (женщины от 18 до 40 лет) – в добровольном порядке. Раз в неделю проводились учебные сборы, в остальное время обеспечивались трехсменные

круглосуточные посты на въезде в поселение и на вышке на самой высокой точке поселения. Такая дружина могла легко отразить нападение даже солидной банды. Многие высказывали опасение, не появится ли вскоре склонность к сепаратизму – но, видимо, от критических минусовых температур сепаратизм вымерз навечно, зато ярко проявилась склонность людей для тепла сбиваться потесней... А гигантские запасы продуктов государственного аварийного запаса так почти и не были початы, кстати...

Если честно, Романова временами просто-напросто изумляло и поражало, с какой легкостью – при нехватке средств, людей, времени, наконец! – решались многие проблемы, которые в «прежнем мире» были чуть ли не официально объявлены неразрешимыми. Сколько вокруг них было пролито крови и слез, сломано виртуальных копий и проведено ток-шоу, вебинаров и круглых столов в прямом эфире, сколько над ними работало специалистов и ведомств – но проблемы упрямо не решались, а пухли, как на дрожжах, и кисло воняли на весь свет.

И вот. Натё. Было даже как-то обидно немного...

Подписал указ о телесных наказаниях – и, как по волшебству, полезла вверх и уперлась в потолок дисциплина в школах, а бытовая преступность в целом сошла на ноль. Романов добавил и сухой закон.

Народ-то было привычно погыгыкал в ответ, но вскоре на перекладинах сперва закачались трое изловленных самогонщиков-«промышленников» – точнее, взрослые из трех семей, а потом еще с полсотни дундуков, не внявших гласу власти, искренне считавших, что «веселие Руси есть питье», не успев протрезвиться, оказались на уборке навоза и общественной ассенизации – без оплаты, за кормежку с проживанием в бараке и все тем же статусом обезличек – «лишенных человеческих прав слуг государства». Отработав по полгода в полной трезвости, они воссоединились со своими семьями и стали активнейшими пропагандистами здорового образа жизни. Впрочем, особо его пропагандировать было не надо – действия власти выглядели наглядно и ничуть не походили на горбачевщину 80-х. Тем более что с сухим законом и запретом на оборот алкоголя странным образом сочеталось разрешение на производство домашних вин, наливок и пива.

Другой указ отменял пенсии (за исключением персональных, «за особые заслуги»), но обязывал детей «по достижении родителями возраста 60 лет»

содержать этих самых родителей под угрозой конфискации имущества – и в настоящее время среднее число детей на семью составляло 5,6. Такой невероятный фокус получился потому, что не только начали рожать сами, но и расхватывали множество сирот. Меркантильно? Угу. Было бы лучше не рожать вообще, а беспризорникам подышать на улицах и дорогах? Да и меркантильности особой Романов не замечал – еще один указ строжайше запретил вмешиваться в дела семьи, «автономной ячейки общества», – и над родителями больше не висел кнут разных ненормальных комиссий и защитников прав ребенка, из-за чего отношения в семьях выправлялись быстро и почти безболезненно. А парочка случаев семейного садизма была расследована как обычные уголовные дела, и виновные повешены безо всякой ювенальщины.

Что интересно, Романов пригласил у себя под боком двух правозащитников средней известности. Романов составил о них себе мнение сразу – это были психически ненормальные люди, на самом деле помешанные на «правах человека» и чудом уцелевшие в круговерти событий последних лет. Они носились с бумагами, собирали подписи, подавали Романову петиции, горячо убеждали его в необходимости соблюдения этих самых «человеческих прав» и готовы были взять под свое крыло любого уродца. Внимания на них особо никто не обращал, и Самарцев как-то напрямую заинтересовался: на кой черт это Романову? На что тот сперва барственно ответил, что у него по штату должны быть шуты – чем эти двое плохи? Но потом уже серьезно пояснил: «Народу у нас мало, земля тоже не очень большая, и все видят, что эти двое – просто идиоты, которые защищают или чушь, или подонков, а их идеи – чистый бред. И это важно, как прививка против смертельной болезни. Пусть у людей с детства слово «правозащитник» ассоциируется с этой вот парочкой унылых клоунов».

Самарцев только молча развел руками, признав полную правоту князя...

Кстати, введение смертной казни свело почти в тот же ноль и уголовщину, и наркоторговлю, и разное прочее «Непобедимое Зло Века».

Возвращаясь к опыту работы ФЗУ и СХШ... Выяснилось, что для поднятия уровня здоровья, знаний и интеллектуального развития надо не дискутировать и экспериментировать, раздувая школьное время за счет «новаторской» бессмыслицы, а просто-напросто:

1. Убрать лишние и весьма многочисленные бессодержательные предметы.

2. Увеличить количество часов русского языка, литературы, математики, физкультуры и истории и ввести логику.

3. Вычистить из школ «новаторские» и «прорывные» методики.

4. Вернуть все те же телесные наказания и форму; плюс перестать давить на учителей «успеваемостью» и разрешить им отчислять за регулярные прогулы и двойки.

5. Разделить обучение мальчиков и девочек.

6. Вернуть систему обычных экзаменов с заучиванием огромного количества материала и умением его излагать и обобщать вместо тестирования – в конце КАЖДОГО года.

7. Прервать общение детей с компьютерами любых видов.

И это все...

Жарко сделал всю эту реформу обыденно, почти без затрат, даже как-то уныло и первым не удивился, когда она мгновенно заработала. И на самом деле – чему удивляться? Что в прошлом кто-то мешал признать очевиднейший, веками проверенный факт: дети еще не являются полноценными личностями в силу множества неискоренимых причин, и биологических, и социальных? (Или что мужчина и женщина – разные биологические подвиды и не могут быть «равны», как «не равны» лев и гепард?)

Куда хуже обстояли дела с другими детьми – со многими из тех, кого привозили команды или кто приходил сам. Романов не мог нормально работать с управлением делами новопереселенцев – всякий раз, когда он присутствовал на «приемке», ему казалось, что его подвергают медленной жуткой пытке, ему оставалось лишь поражаться самоотверженности Салгановой. Как в ужасном фильме, проходили перед его глазами тысячи историй – ставших обыденными в своей жути на развалинах мира.

Дети, истощенные до дистрофии. Дети, страдающие кровавым поносом. Дети, едящие глину и дерьмо. Дети, неспособные управиться с ложкой и вилкой. Дети,

готовые на все, чтобы их накормили. Дети, делавшие все, чтобы их кормили. Готовые на все, чтобы прожить еще день. Дети брошенные, преданные, а нередко и просто-напросто проданные самыми близкими на свете существами – родителями. Пятилетние проститутки-мальчики. Семилетние девочки, больные сифилисом. Дети, добравшиеся до княжества голыми. Дети, на глазах которых убили или замучили родителей. Дети с отрезанными ушами и вырванными языками. Дети с «изъятыми» почками, дети-доноры крови и костного мозга. Дети, чья душа превращена в загаженную руину. Дети, смысл жизни которых – страх и покорность. Дети – жертвы работарговцев, насильников, растлителей, даже людоедов. Дети, забывшие – в России! – русский язык. Дети, которые спокойно рассказывали о своем прошлом такое, от чего руки начинали дрожать. Дети, в глазах которых не было ничего детского. Дети, чья душа была испакощена настолько, что опускались руки и казалось милосерднее их просто убить. Маленькие рабы – рабы с плантаций, из публичных домов, рабы чьей-то прихоти и похоти. Их были тысячи, этих русских детей. Их было так много, что Романов не мог этого переносить.

Были другие. Их меньше (к сожалению, может быть?), но с ними почти столько же забот. Дети, переполненные ненавистью так, что рядом с ними жутко стоять. Дети, приносившие на поясах грубо выделанные скальпы тех, кто пытался их убить. Дети со связками сморщенных и свежих ушей на веревочках с дареными когда-то родителями крестиками. Дети, которые разучились писать и читать, зато умели без промаха стрелять на звук. Дети, приклады ухоженного оружия которых испещрены страшными значками недетских побед. Дети, язык которых груб, которые иногда вообще разучились говорить, а память которых жутким железным цветком росла из того дня, когда им стало за кого мстить. Дети, не мывшиеся месяцами, но умевшие броском самодельного ножа убить муху за десять шагов. Русские дети, прошедшие через ад, но не сломавшиеся, а выродившиеся в безжалостных маленьких хищников, живших одной белой-каленой ненавистью...

Это тоже было неправильно. Это тоже было страшно, и Романова никто не мог в этом разубедить. И он не знал, чему радовался больше: тому, что девятилетняя девочка наконец-то не задрожала в ужасе, когда ее коснулась мужская рука, или тому, что наконец-то звонко рассмеялся двенадцатилетний мститель, почти два года партизанивший в болотах и лесах на окраине уничтоженного Хабаровска...

Когда Романов впервые познакомился с этой стороной деятельности одной из собственных подчиненных структур – он на какое-то время лишился мыслей, только твердил про себя, как заклинание, две строки Киплинга:

О этот мир! Какой измерить мерой

Ограбленные души и умы?!

...Женщина-воспитатель, потеряв терпение, ударила пятилетнюю девочку – та никак не могла научиться есть ложкой, ела руками. Романов, оказавшийся рядом, не застрелил женщину только потому, что Женька повис на руке командира с пистолетом всем телом. И превратился в мертвый груз, не давший Романову тут же добраться до побелевшей и окаменевшей воспитательницы, а доберись он – убил бы, наверное, одним ударом.

Были и иностранные дети – поляки, немцы, еще кое-кто. Не ребята из группы Бека, который прочно обосновался на побережье, сделав корабль своей крепостью (банды, даже самые голодные и сплоченные, все чаще пробиравшиеся с юго-запада, те места обходили стороной...). А другие, попавшие сюда самыми разными путями, у каждого – своя история. Захватывающая и ужасная одновременно, а то и трагическая... У многих из них психика оказалась сбита настолько капитально, что оставалось лишь хвататься за голову... Шведский восьмилетний мальчик не мог себя идентифицировать как мальчика – он «сомневался в своей гендерной принадлежности». Десятилетняя немка называла себя сторонницей лесбийской любви, а ее соотечественник и ровесник был уверен, что все мужчины и мальчики «латентные геи», и всерьез приставал к мужикам. Эти случаи были настолько смешными и жуткими, что Романов фиксировал их в специальном видеодневнике.

К счастью, в этом возрасте омерзительная кривизна, внесенная в детские мозги мерзавцами и нелюдьми, вымывалась довольно легко – внимание, забота, психокоррекция, и через месяц-другой можно было видеть, как «гей» и «лесбиянка» потихоньку засматриваются друг на друга, а маленький потомок викингов наконец осознал, что такое мальчишка, и снисходительно дерет нос перед девчонками, разбирая вместе с русскими сверстниками старенький «АКМ».

Иностранных детей было не так много, и поднимался вопрос об их русификации. Но Большой Круг почти единогласно решил: родные языки и национальная

культура должны остаться не только у японцев и немцев (как ни крути, это оказались значимые по численности группы населения, особенно японцы), но и у какого-нибудь француза-одиночки. И для этого следует приложить все усилия, какие возможно...

Не столь давно завершилась победой РА «Монастырская война». Так злой на язык Жарко назвал серию небольших, но крайне ожесточенных конфликтов между ополченцами ДОСАФ и дружин витязей с монастырями. Вообще ранее конфликтов с Церковью не было. Как, впрочем, и каких-либо других отношений – монастыри и собравшееся в них священство словно бы существовали в параллельном мире, и даже донесения о том, что там аккумулированы огромные запасы продуктов и горючего, не заставили Романова подвигнуться на конфликт. Он сквозь пальцы смотрел на «покровительство» монастырей в отношении некоторых поселений беженцев и даже надеялся, что постепенно можно будет заключить союз.

Однако тут неожиданно со стороны монастырей начались претензии на земли, рабочую силу, припасы... Причем очень агрессивные. Они наложились на новые разведданные – о порядках, которые были заведены монастырскими управляющими. Фактически это было крепостное право – с запретом любого светского образования, отнятыми у родителей детьми, заключением взрослых под стражу в колодках, принуждением к тяжелой работе, перемежаемой молитвами... Были и сведения о еще более мерзких гнусностях. К сожалению, Романов промедлил – и обнаглевшие «поборники духовности» напали на маленький поселок, который контролировала РА. Отряд ДОСАФ был разбит, уцелевшее население (а люди от мала до велика сражались с невиданным ожесточением) – угнано в рабство.

После этого Романов уже ничего не ждал. По его приказу рота преображенцев, амурские казаки и дружины Лагунова, Светлова и Севергина под общей командой Севергина, поддержанные самоходной артиллерией и бойцами местных отрядов ДОСАФ, умело вклиниваясь между опорными пунктами врагов и перерезая немногочисленные накатанные дороги, за неделю взяли штурмом все пять монастырей, истребив всех их обитателей и освободив почти десять тысяч крепостных и рабов. После чего Романов законодательно запретил любое вмешательство во внецерковные дела любого представителя любой из «мировых религий». Он не любил что-то запрещать, однако тут вопрос оказался принципиальным. Религии, отрицающие земную жизнь, должны были быть вытеснены в маргинальную нишу – поскольку было ясно, что сами они туда не

уйдут ни за что...

Столовая обстановка для совещания такого типа подходила менее всего. Но сидевшие за столами люди давно поняли нехитрую истину: если говорят нужные и важные вещи – то все равно, где выслушивать и обсуждать. А ерунду – ерунду да, ее можно принудить слушать только в зале под строгим контролем на дверях и с трибуны.

– На данный момент на территории бывшей РФ нами контролируется Дальний Восток, железная дорога до Северобайкальска, восточное побережье новообразованного моря Байкал и порядка тридцати опорных пунктов-поселков к западу от Урала... – Романов ощутил легкую тошноту. То, что он собирался сказать «под занавес», немного пугало его самого. – О происходящем на большей части нашей страны мы не знаем практически ничего, как и о зарубежных делах. Однако сегодня ночью... точнее, вчера вечером... я подписал два указа... Первый – о подготовке и проведении Великого Объединительного Съезда Русской Армии. Съезд предположительно будет проведен через пару лет в Новгороде Великом. Этот город в перспективе также намечен как основной кандидат на роль столицы новой России. Именно он. Не Владивосток, и я прошу всех подумать над историей вопроса, прежде чем высказывать недовольство... И второй указ, – как ни в чем не бывало продолжал Романов, хотя внутри его уже просто трясло. – Об установлении контроля над всеми потенциально нестабильными территориями Земли.

На Романова уставились все, кроме Жарко – Вячеслав Борисович вдруг начал скалиться, неудержимо, весело, мерзко и широко, как человек, превращающийся в волка, а потом неожиданно резко откинулся на спинку стула и задрал на стол ноги каким-то идиотским, судорожно-восторженным движением. Романов обозрел молчащих соратников и встал.

– А чего вы хотели? – вкрадчиво сказал он. – Чтобы мы и дальше жили, как на вулкане? Пасторальный рай в перспективе на одной пятой суши в окружении всех, воюющих со всеми? Нет уж. Я предпочту драться до тех пор, пока на планете в целом не станет поспокойней... и посвободней, – и тоже улыбнулся – зло и широко. – Сейчас такой момент, который выпадает раз в десять тысяч лет. В сто тысяч лет. И мы не должны его упускать. Не упускать – и оседлать. Лютовой... – Романов помолчал миг и тихо продолжал: – Вадим Олегович нам не простил бы этого.

– А не разнесет нас по ухабам? – негромко спросил Шумилов.

– А посмотрим, – беззаботно отозвался Романов. – Года через три, я думаю, станет уже ясно. Если на этом пути нам встретятся – а я уверен, что встретятся! – более слабые ячейки консолидации разумных сил, будем предлагать им союз. Если встретятся равнозначные – а я думаю, что встретятся, – сделаем то же. Более сильных, мне кажется, не будет.

В столовском зале молчали. Тишина была задумчивой и напряженной одновременно. Романов стоял за столом, переводя взгляд с одного из витязей на другого. Он знал всех этих людей. Среди них не было ни трусов, ни себялюбцев, ни дураков. Но он видел, что сейчас каждый из них оценивает только одно: возможность сказанного им, Романовым. И он вздрогнул, когда Жарко со стуком сбросил ноги со стола и встал.

– Вопрос ясен, – сказал он резким, непривычно высоким голосом. – Но у меня поправки. Предлагаю не через два, а через три года назначить в Великом Новгороде Объединительный Съезд, но не Русской Армии. Мы – не государство. Мы – его сила, да. Но не государство. Пусть это будет Объединительный Съезд Русской Империи, – в зале вроде бы никто не шелохнулся, но прошло какое-то странное... движение, – Нового государства Человечества. И предлагаю там же официально короновать как императора – Романова Николая Федоровича. Нашего соратника. Человека, без которого ничего бы этого могло просто не быть.

Романова охватил страх. Дикий, почти неконтролируемый ужас. У него перехватило дыхание – и это дало ему какое-то время, чтобы не вскрикнуть первое, что пришло в голову: «Нет!» Он просто молчал. И, не сводя взгляда с лиц постепенно начинающих подниматься с мест и подтягиваться людей, все отчетливей понимал, что это – его судьба.

Судьба – не то, что «предначертано», что «написано на роду», что является излюбленным оправданием для слабаков.

Судьба – это то, от чего нам не дают отказаться вещи, в которые мы верим. Которым мы служим. Ради которых живем и боремся. Кажущаяся predeterminedность, на деле являющаяся следствием «всего лишь» неумения поступиться Долгом и Честью.

Судьба.

* * *

Поразительно, что при всех стараниях и правительства, а затем отчасти и оккупантов, так и не удалось ни уничтожить, ни вывезти чудовищные запасы мобрезерва Советской Армии. Оставалось только благоговейно ужасаться тому, какие запасы сделаны в СССР. Видимо, их масштабы поразили и демократов 90-х, и недавних оккупантов из ООН – поразили и заставили опустить руки. Большинство складов даже не пытались вывезти – их просто поджигали, в результате чего, например, по слухам, в Комсомольске-на-Амуре из двухсот тысяч «АКМ» вышла из строя всего треть: под рухнувшей крышей и сгоревшими ящиками массово лежали совершенно неповрежденные стволы. Та же история произошла и с танками – их пытались уничтожать, взрывая в башнях заряды тротила, но это почти ни к чему не приводило. Примерно так же обстояли дела и с другой техникой. «Команды уничтожения» со всего «свободного мира» надорвались в борьбе с мертвым СССР начисто – и в конце своей бессмысленной деятельности перешли просто на писание отчетов «уничтожили... уничтожили» – даже не выезжая на места, тем более что значительная часть из них контролировалась отрядами русских. Проверять же все равно уже никто не собирался... Позже РА (к сожалению – не только она, но и кто угодно, включая обычные банды) активно пользовалась этими неиссякаемыми запасами.

И «Россию» собирали последние полгода в мастерских депо именно с привлечением этих запасов.

Бронепоезд в погоне за полной надежностью и наилучшей защищенностью был катастрофически перетяжелен. Никто, впрочем, не рассчитывал на его быстрое продвижение – предполагалось, что в сутки удастся проходить хорошо если двести километров. И в любом случае дать скорость больше сорока километров в час жуткая броневая гусеница не смогла бы даже по самому лучшему полотну в идеальных условиях. Дело было в том, что забронировали все – коммуникации и даже внешние переходы, чтобы при случае из бронепоезда можно было не выходить в принципе. Это раз. А два – к бронированию была добавлена еще и противорадиационная защита, причем серьезная, позволявшая проходить даже смертельно зараженные зоны.

Впереди шел вагон с мощнейшей пневматической пушкой, гидравлическим резаком, подъемным краном и солидным запасом рельсов, вооруженный двумя курсовыми крупнокалиберными пулеметами и 23-миллиметровой «спаркой» в башне кругового вращения на крыше. Следом – три локомотива, из которых первый был рабочим, а два других – запасными, хотя в случае необходимости имелась простая возможность запустить их в работу одновременно. Каждый локомотив имел наверху такую же башню, но с «ДШК». Три лучшие сменные бригады дорожников из недавно созданного Гражданского Дорожного Корпуса располагались прямо в локомотивах, на вполне удобных «жилых» местах.

В первом вагоне везли аэросани и несколько снегоходов, а также ехали шесть лошадей, четыре овчарки и располагался запас питания для них – плюс часть «человеческих» продуктов. Вагон был защищен такой же башенкой, как у локомотивов.

Во втором вагоне ехали десять владивостокских лицеистов (младшим был Сенька – брать его в купе к себе и Есении Романов наотрез отказался), и еще десятерых должны были забрать по пути из Селенжинского лицея. Кроме амбразур для стрельбы в стенах, наверху были установлены все те же башенки с «ДШК» – две.

Третий вагон занимал полувзвод преображенских гвардейцев – тоже двадцать человек. Помимо амбразур для стрелкового оружия и двух постоянных пулеметных точек с «КПВТ» в бортах вагон имел наверху танковую башню со 125-миллиметровым орудием.

В четвертом вагоне располагались запасы продуктов, медпункт (два врача и два фельдшера жили тут же, Иртенев выделил для экспедиции лучших своих специалистов этих профессий), мощная радиостанция и купе: Романова и одно на двоих едущих с ним витязей – Вячеслава Борисовича Жарко и Велимира Владимировича Русакова (свою жену Надежду Русаков с собой не брал, она осталась в Русаковке, а вот старший сын, 11-летний лицеист Вадим, был в поезде). Здесь же везли золотой запас экспедиции – пять тысяч новеньких золотых червонцев, отчеканенных по недавно созданному в результате детского конкурса проекту. Двадцатиграммовые монеты из золота 999-й пробы были с одной стороны помечены пикирующей Птицей Рух, а с другой – имели надпись «РУССКИЙ ЧЕРВОНЕЦ». По ребру монеты шел национальный «растительный» узор.

Сердцем бронепоезда был пятый вагон, почти весь внутренний объем которого занимал генератор, разработанный и лично смонтированный Ошурковым. Во время монтажа Дмитрий Анатольевич почти не спал, почти не ел, стал похож на череп с глазами, ни с кем не мог разговаривать иначе как с криком и полуистеричными обвинениями в тупоумии – а когда его загадочный агрегат заработал и дал энергию, то Ошурков... упал в обморок. В больнице его с трудом привели в себя и отказались выпускать ближайший месяц – физику был поставлен диагноз сильнейшего нервного истощения...

Так или иначе, но энергии, которую давал загадочно урчащий генератор, хватало на полную запитку сразу всех трех локомотивов и всех систем бронепоезда (например – многочисленных прожекторов, дальномеров, прицелов, тепловизоров), причем опять же – на полную мощность. А в коридоре вагона тревожно пахло озоном.

Тем не менее аварийную цистерну с обычным жидким горючим Романов приказал взять с собой. Просто на всякий случай. Она шла сразу за вагоном генератора, а за нею – две цистерны с питьевой водой. Все они, как и вагон генератора, защищались 23-миллиметровой «спаркой» в башне кругового вращения на крышах.

Шестой вагон был точной копией третьего, только гвардейцы там были семеновские. И наконец, замыкал поезд спецвагон, в котором были установлены два 120-миллиметровых миномета с возможностью стрелять через люки в крыше. Гарнизон вагона составляли тоже двадцать бойцов, но не гвардейцев, а дружинников Русакова.

Боеприпасы, часть продуктов, скромные душевые, туалеты, электропечки (в основном – для разогрева продуктов, не для готовки) – все это равномерно и удобно располагалось «под руками» у гарнизона...

Торжественных проводов как таковых не было. Об экспедиции все знали, сейчас, наверное, сотни тысяч человек желали ей успеха. Но все эти люди занимались важным делом, все рабочие вопросы решались в рабочем же порядке, и Романов, последним и в одиночку добравшись до вокзала, удивился не пустынному перрону, а тому скорей, что на нем вообще кто-то стоит.

Это был старик Ждивесть. Романов даже не знал, что он приехал с севера – витязем старик не был, большими делами вроде бы не очень интересовался. Правда, Романову хорошо известно, что среди местных родноверов Ждивесть пользуется недюжинным авторитетом. Более того, переданных на воспитание бывших рабов Ващука старик все-таки «вытянул в люди» почти всех, что само по себе, учитывая контингент, являлось подвигом. И еще... Ждивесть чем-то напоминал Романову ушедшего Лютовоя. Конечно, в старике не было холодной определенной монументальности Вадима Олеговича и его джентльменской европеизированности. А все-таки...

Ждивесть стоял возле самых ступеней на перрон – в куртке на меху, теплых штанах, заправленных в большие унты, в трехпалых перчатках, но без шапки, с непокрытой головой, и его густые седые волосы, шевелившиеся под ветром, забил снег. На поясе, туго перетянувшем куртку, висели длинный нож, большая пистолетная кобура и обереги. Стоял, видимо, довольно давно и неподвижно – уже и снега намело вокруг головок унтов.

Он молча отступил, пропуская Романова на перрон. Тот так же молча прошел мимо, не спросив, зачем Ждивесть проделал весь долгий путь из своих мест. Но потом не выдержал – оглянулся и встретил усмешку еще крепких, целых зубов старика.

– Поезжай, – сказал Ждивесть. – Мы – люди Запада, но солнце – на Востоке поднимается. Показывай ему дорогу в родные наши земли. Не в первый раз нам, людям, ему помогать! – и торжественно, но в то же время очень обыденно, привычно начертал в воздухе Громовой Молот и Солнечное Колесо. Эти знаки Романов хорошо знал, часто видел их. Среди витязей родноверов было несколько; хватало их и среди других людей...

Романов кивнул. Может быть, это было глупо, но Ждивесть, похоже, ничего другого просто не ждал. Он уже простецки совсем махнул рукой и стал спускаться по лестнице – словно на дно озера из поземки. А Романов, секунду постояв, повернул за угол здания вокзала... и споткнулся – ему послышался вдруг отчетливый удар грома, какой бывает по весне во время первых гроз. Он вскинул голову – нет... небо по-прежнему темное, клубящееся, низкое, подсвеченное странным заревом. И все же... все-таки... все-таки... Романов понял неожиданно, очень ясно и отчетливо понял, что Солнце – есть. Оно там, за тучами; оно сейчас садится, потому что наступает вечер. Оно живо, оно не умерло, оно борется с этой тьмой.

Оно вернется...

Снаружи бронепоезд казался серым. Ярким пятном выделялись лишь флаг и герб на первом вагоне – и алая надпись на нем же: «Россия».

По перрону около бронепоезда прохаживался Сенька. Вид у мальчишки был крайне ответственный; увидев Романова, он подбежал навстречу, метрах в трех перешел на шаг, отсалютовал и звонко доложил:

– Бронепоезд «Россия» к отправке в экспедицию готов полностью! Доложил
лицеист Власов!

– Вольно, лицеист, – кивнул Романов. – Свободны. Я иду.

Мальчишка махнул руками крест-накрест и, улыбнувшись Романову, ловко взлетел в дверь – подтянувшись до верхней ступеньки на руках. «Шит-шут...» – сипло сказал весь состав, дернулся, переключаясь мощным лязгом по всем невидимым сцепам, – и пронзительно, длинно взвыл. Потом сирена затихла, но в промороженном воздухе остался мягкий гул начинающегося движения. А из невидимых репродукторов слышалось:

Воля богов, но нам хочется снова

Жить от весны до весны,

Вновь услышать после стужи суровой

Звуки щенячьей возни.

Снова увидеть, как зазеленеют

В мае леса и луга.

Смерть отступает; уйдут вместе с нею

В матушку землю снега.

Что будет завтра? Шкуру ли снимут,

Буду ль судьбою прощен?

Мы пережили долгую зиму,

Что тебе надо еще?[3 - Из песни «Волки» группы «Медвежий угол».]

Под эту песню, провожавшую экспедицию, Романов прошел немного по перрону за медленно-медленно разгоняющимся бронепоездом. Потом взялся за ручку все еще открытой двери, задумался, все еще шагая рядом с вагоном... и вдруг сказал сам себе негромко:

– В мягком? Да, в мягком.

Усмехнулся и одним быстрым прыжком очутился внутри.

Маслянисто лязгнула дверь. Над пустым перроном гуляла поземка, и где-то впереди перемигнулись зеленые огоньки свободных путей.

Снежная слепота

Территория одного из бывших городов-миллионников Центральной России

Глава 1

Дети злой зимы

И вот уж третья мировая

Война шагает по планете,

Где, ужаса не сознавая,

Еще растут цветы.

И – дети.

Н. Зиновьев. Большое стихотворение

Вовка проснулся от того, что хлопнула дверь спальни и мама позвала его вставать в школу.

– Эщщщоптьму-у-утт... – прогудел Вовка и открыл глаза...

В плотной неподвижной темноте где-то капала вода. Впрочем, Вовка знал – где. Из простенького умывальника, висящего на стене в трех шагах от места, где он спал. Звук был привычным, кран-«сосок» подтекал. А еще, если вслушаться, то различалось, как снаружи – наверху – ровно и немолчно дует ветер. Этот звук он давно различал, только если вслушивался. Ветер тоже стал таким же привычным, как снег.

Сегодня было, кажется, 25 июня 20... года. Насчет месяца и года он был уверен точно, а вот насчет дня – нет; за прошедшее время ему несколько раз приходилось сбиваться с числами. Часов у него никогда не было, а мобильник давным-давно сдох и был выброшен... или потерян, Вовка уже не помнил. Это было вообще еще до того, как выпал снег.

В спальнике – тепло. Вовка всегда задеггивался в нем с головой, оставляя только маленькую щель для дыхания. Не потому, что снаружи в комнатке коллектора было так уж холодно, а просто так казалось уютней и безопасней. И сейчас вставать не хотелось совсем, но Вовка понимал – раз «толкнуло», то, значит, пора. Пора вставать, начинать новый день, так сказать. Привести себя в порядок, сходить за продуктами, обойти пару кварталов. Как всегда все.

Он дернул «молнию» и сел на пластиковом топчане, сделанном из грузового поддона. Показалось, что и правда очень холодно, но в комнате было не ниже 12-14 градусов, он это знал точно.

Вовка зевнул, протянул руку, нашарил на тумбочке рядом спички, чиркнул, привычно зажег керосиновую лампу, звякая стеклом. Привернул пламя и

оглядел небольшую комнату со шлюзом-дверью. Свое обиталище вот уже много месяцев.

Печка – настоящая, не самоделка, но с выведенной в вентиляцию самодельной трубой из консервных банок, – конечно, давно прогорела. И даже остыла. Вовка сперва вообще побаивался ее топить, но потом исследовал вентиляцию и понял, что там тридцать три колена, а выводит она в какие-то развалины, да еще и не наружу, а в полузасыпанную комнату. Так что по этому признаку его не обнаружишь. А не топить – конечно, не замерзнешь, тем более в спальнике, но вылезать по утрам окончательно стремно... Около печки гордо стоял кремовый изящный биотуалет.

Он зевнул, повел плечами. Еще раз огляделся, узнавая знакомые вещи и заново привыкая после сна к мысли, что впереди еще много часов, которые надо будет занимать разными делами. Хотя если по правде, то дел не так уж много и все они отработаны до автоматизма.

Автомат Вовки, «АК-74М», висел на вешалке у входа – рядом с маской-«менингиткой», большеухой кроличьей шапкой, теплой казачьей бекешей на настоящей овчине и ватными штанами на широких лямках. Под вешалкой стояли старые надежные кирзовые сапоги с меховыми вкладышами. Все это было очень грязным, потому что Вовка просто-напросто не знал, как и где это можно по-настоящему отчистить. Но когда парень выбрался из спальника, то оказалось, что на нем вполне чистые свитер и егерское белье. Стирка была мучением, но Вовка стирал вещи регулярно. И менял, благо был запас. Он рос. Рос, несмотря ни на что.

А слева под мышкой у парня висел «ТТ» – в дорогой кожаной кобуре, обжатой точнехонько по оружию. С пистолетом Вовка не расставался даже во сне.

Он умылся. Вода была холодной, но помогала окончательно проснуться. Потом проверил – по привычке – самодельную грубую стойку с запасным оружием. Там крепились «АКС-74У», охотничий «Архар» и «Сайга»-20 со складным прикладом и висела кобура с каким-то коротким, но массивным револьвером, Вовка и сам не знал, что это за штука. Под стойкой помещались несколько цинков с разными патронами и мирно лежали с десятков снаряженных гранат. Вовка растопил печку – обломками пластины сухого горючего, потом добавил немного угля из полупустого бумажного мешка. Посидел на корточках, глядя, как раскаляются стенки. Печка нагревалась быстро, даже докрасна, но так же быстро остывала.

На ней хорошо было готовить, а вот чтобы долго держать тепло... Ему помнилось, что вроде как если обложить печку кирпичами, то она будет и уже погасшая держать тепло очень долго, чуть ли не сутки. Но Вовка не знал, как за такую работу взяться, хотя думал про это не первый раз.

Он поставил на раскалившийся поддон кружку из тонкой жести – заварить чай. И замер, положив руку на пистолет. Ему почудился какой-то звук из коридора за дверью.

Нет, конечно, это было взбрыком воображения. Через эту дверь в любом случае мог донестись из коридора разве что взрыв. Да и вообще... Когда-то беспризорники рассказывали – он слышал сам, – что в таких местах полно крыс. Но крыс он уже давно не видел ни одной. Или сдохли, или ушли в какие-то глубины – подальше от всего, что тут творится.

И все-таки, прежде чем выйти, он долго смотрел в боковой глазок. В темноте Вовка видел хорошо, эту способность он обнаружил у себя уже давно. Коридор, конечно, был пуст, даже в глазок видно, что не тронут ни завал, ни тоненькие ниточки-контрольки, которые вели к гранатам, закрепленным в нескольких местах.

Вовке ужасно не хотелось никуда идти. Он даже почти решил опять раздеться и лечь. Просто полежать. Но потом тряхнул головой и запретил себе делать это. Это могло стать началом конца. По утрам об этом думать не хотелось, это ночью, если не спишь, приходили мысли, что, может, было бы не так уж плохо...

Он раскатал на лицо маску и взялся левой рукой за шлюзовое колесо.

Правой он придерживал автомат – направленный стволом в коридор...

Снаружи было холодно. Термометра у Вовки не было, вернее, он был в самом начале, когда он только-только тут обосновался, висел в незаметной нише слева от входа... но как-то раз ночью опустилось за шестьдесят. И он лопнул. А сейчас оказалось просто холодно, градусов двадцать. Такая температура уже давно держалась почти постоянно, и днем, и ночью. Правда днем – как сейчас – немного светлело. По ночам царила кромешная тьма, только иногда небо вдруг разражалось разноцветными хрусткими сполохами. Они были яркие, но при этом ничего не освещали, и Вовка их просто боялся почему-то. А днем царила

сплошная серая с багровым мгла. Снег тоже уже давно не шел, но в городских улицах дул постоянный сильный ветер, и тот снег, что напал раньше, никак не мог успокоиться. Сугробы бесконечно переползали, лизали длинными дымными серыми языками стены, перебрасывались с одной стороны улицы на другую, курились белесой и черной порошей. Если посмотреть вверх внимательно – то становилось видно, как неостановимо мчатся, клубясь и пожирая друг друга, коричневые тучи. Вовка иногда старался разглядеть сквозь них хоть немножко солнца. Но его не было. Может, Земля вообще сорвалась с орбиты и летит куда-то, постепенно остывая...

Коридор выводил на лестницу, а оттуда – через дверь в замусоренную, совершенно неприметную комнату в развалинах – в еще один коридор, точнее, на обычную лестничную площадку когда-то первого этажа. И только оттуда – на улицу. Выдать себя следами Вовка не боялся. Ветер и снег зализывали следы за минуты. Но сейчас он, как обычно, долго – минут пять – стоял в тени сбоку от двери. Прислушивался, присматривался, принимался. Подумывал – не надеть ли снегоступы, крепившиеся за спиной. Долго, правда, так стоять и слушать не стоило. Начинаешь слышать то, чего нет. Или даже видеть. Вовка не знал: то ли это признаки близкого сумасшествия, то ли какая-то вывернутая, дикая полужизнь, то ли память города или что-то в этом роде. Но все одно – ну его к черту!

За ночь изменилось только одно – с дома напротив – на удивление целого, только крышу сорвало – упала вывеска «Мегафона». Она косо торчала в сугробе, и до середины видневшейся части уже поднялся белый наплыв снега.

У Вовки был МТС. Правда, телефон почти не работал, уже когда все началось, в лагере еще перестал работать. И не у него одного. Пацаны ржали: «Война началась! Бу!»

Бу. Война началась. Бу. Бу, б...

Остро захотелось застрелиться, и он, стиснув зубы, переждал этот приступ. Потом оттолкнулся снегоступами за спиной от стены и неспешно пошел по улице – держась тротуара. С крыши, правда, могло упасть всякое, но идти посередине он отвык еще в то время, когда город жил... точнее – умирал. Очень мучительно умирал.

А сейчас ничего. Сейчас безопасно. Город умер, нечего бояться. Последние трупы похоронены под снегом. А склад не очень далеко, в сотне метров... Склад, на который он наткнулся, когда отлеживался в туннеле с гноящимся от вогнанных в рану кусков грязных штанов огнестрелом правого бедра плюс переломом правой голени. Тогда он тоскливо думал, что умирает, и примеривался к пистолету – выстрелить себе в голову, и все закончится... Так вот, склад был магазинный. Большой, супермаркетный, и просто чудо, что его не нашли раньше.

Да нет, не чудо, конечно, никакое. Вход полностью завалило, потому что сверху рухнули все четыре этажа супермаркета, просел пол в коридоре, а чтобы раскопать его, нужно было точно про него знать и иметь экскаватор. Склад промерз, промерз весь, насквозь, как большущий холодильник, поставленный на максимум, но большинству продуктов и других вещей такое и не страшно, а многим продуктам – просто на пользу. Вовка и жил бы там, но не знал, как отапливать такое помещение, а возиться с выгородками и прочим ему не хотелось. Хотя на складе были палатки, например, в том числе и зимние, можно было бы поставить... На складе вообще хватало и барахла, и угля, и сухого топлива, и разных вещей. Не было только оружия и боеприпасов. Ими Вовка разжился в другом месте и давно, а стрелять в последнее время приходилось редко, так что это не было особенной проблемой.

«Смешно, – подумал он, дежурно светя фонариком по помещению, в которое проник. – Всегда ведь казалось, что в мире полно еды». А оказывается, ее было не так уж много. Какая-то не могла долго храниться. Какой-то нельзя наесться. А на остальную оказалось множество охотников. Их надо было пережить, но для этого опять же нужен был запас еды. Или убить, чтобы отобрать еду у них. Потому что сейчас еда даже расти не может. Зимой ни зерно не зреет, ни скот кормить негде. Кроме того, Вовка не умел выращивать зерно или скот. И среди его многочисленных знакомых не было никого, кто бы это умел. Разве что огороды на дачах умели засеивать...

Вовка осознавал, что ему повезло. Просто повезло. И с местом, где он жил, и со складом по соседству... И с тем, что он быстро и хорошо научился убивать. Правда, с другой стороны, может, ему и повезло потому, что он не сдался и не сложил руки, кто знает? Хотя... он вроде бы и не делал ничего особенного. Просто жил. Выживал.

Он прошелся по помещению, светя фонариком по углам. Кстати, тут были генератор и горючее, но Вовка не знал, как его запускать, хотя подумывал время от времени, что стоит в этом разобраться, чтобы в подвале стало светло. Останавливал его страх, что звук работающего генератора может быть услышан снаружи. Конечно, там никого нет. Но мало ли...

Он скинул с плеча рюкзак и, почти не глядя, набросал туда банки-пакеты. Белорусская тушенка, сухая картошка, шоколадки, крекеры... Еще что-то. Кусок мыла – зеленого, с мелиссой, оно очень приятно пахло. Опустил пятилитровую бутыл с белым льдом внутри и голубой этикеткой «Bon Aqua» – питьевая вода... Подумал, добавил упаковку сухого горючего и рулон туалетной бумаги. Снова посветил вокруг. Ему внезапно стало очень одиноко в большом помещении.

Одиночество... Вовка давно, пожалуй, сошел бы с ума от него, если бы не жившая в нем ненависть, которая помогала переносить пустоту вокруг. Ненависть привычная и неяркая, но постоянная, неотвязная и прочная.

Он ненавидел взрослых. Заочно. Всех. Вообще. Без исключений и различий рас и языков. За то, что мир, в котором он жил почти до четырнадцати лет, и его большой город, который он... ну... любил, – отняли у него именно взрослые ради какой-то своей взрослой муйни, даже необъяснимой нормальными словами. США, РФ, патриоты, либералы, кто там еще, как там по телику говорили, – шли бы они все на хрен.

Они и пошли. Все. Но с собой прихватили и все остальное. И всех остальных...

Когда они с Санькой поняли, что их дома больше нет, то сперва сидели недалеко от развалин – как оглушенные. Кажется, они там сидели и тогда, когда в десяти километрах от городской окраины разорвалась уже не обычная ракета или бомба, а эта... атомная боеголовка, – Вовка не поручился бы, где они были, точно он не помнил. Но к ним даже никто не подходил, хотя в обычное время, наверное, все-таки подошли бы какие-то взрослые или хоть полицейский – узнать, почему двое пацанов много часов неподвижно сидят на одном месте и смотрят себе под ноги.

Но мир развалился на крохотные частички, и каждой из них до других не стало дела. Просто ни Вовка, ни Санька этого еще не знали.

А потом Санька как будто взбесился. Он вскочил, заметался, начал ругаться – так, что Вовка даже немного ожил. Он поливал чудовищным матом американцев и грозил им самыми страшными карами. А Вовка не мог даже толком переварить, при чем тут американцы-то? Но, по крайней мере, с мальчишек спало оцепенение.

Они заночевали в подъезде соседнего дома, вполне уцелевшего. Вернее – как «заночевали»? Так... забились под крышу почти инстинктивно. В подъезд зашли, домофон не работал, и дверь была распахнута. По лестнице ночью часто ходили люди, на них внимания не обращали. А по улице еще чаще проезжали машины. Вовке то и дело снилось, что ему надо идти домой, он толчком просыпался и видел, что Санька не спит вообще – сидит, обняв колени, и глядит в полную пожаров на окраине темноту за окном. Уже под утро какой-то мужик вышел из квартиры напротив, стал на них орать и требовать, чтобы они убирались отсюда. Вовка хотел уйти, потому что мужик все-таки был взрослый. А у Саньки вдруг побелели глаза, он прыгнул с подоконника, медленно пошел на мужика, сжав кулаки и цедя: «Я тебя урою сейчас, крыса комнатная...» – и еще что-то. И мужик попятился – сперва изумленно, потом испуганно – и юркнул за дверь, поспешно загремел засовом.

Но они все-таки вышли на улицу. Сами, потому что – что там было делать, в подъезде чужого дома? Вот тут Вовка помнил точно – был еще разрыв, ближе, там, где нефтехранилище. Они долго лежали на газоне, обнявшись и спрятав лица в траву. Дул горячий ветер, потом пошел грязный какой-то дождь, теплый такой... Какая-то молодая женщина бродила по улице и монотонно громко кричала – у нее были залиты кровью глаза и вздулось лицо. Потом ее кто-то увел... кажется. Хотелось есть, но они почему-то сами ничего не делали, только какие-то люди дали им консервы – прямо из разбитой магазинной витрины, возле которой лежали – нестрашной кучей – не меньше трех десятков тел убитых кавказцев, все в крови, с многочисленными черными от крови ранами. Вовка боялся полиции, но полицейских не было – кроме одного, который таскал из магазина в гражданскую машину, серебристый «Опель», коробки с сухой лапшой. Пыхтел, сопел, таскал... пыхтел, таскал... В машине женщина обнимала девочку лет пяти – они окаменели на переднем сиденье, как единая статуя. Даже глаза были неподвижными, стеклянными. А лапшу полицейай грузил в багажник и потом долго его закрывал, матерился и бил сверху всем телом, как будто решил расплющить свою собственную машину.

А потом были военные. И Санька ушел с ними – с колонной из нескольких приземистых бронированных машин. Просто запрыгнул на броню, никого не спрашивая, ему так же молча дали место... А он, Вовка, не пошел, хотя Санька его звал. Не пошел, потому что Санька нес какую-то чушь про войну и про месть. Несусветную чушь. Вовка только спросил у военных, знает ли кто-нибудь про эвакуацию. И молодой офицер отозвался, что не было никакой эвакуации, вообще не было никаких приказов – все началось разом и неожиданно.

А Санька тогда сказал ему, что он трус и чмо. И ушел с солдатами. Где он сейчас? Где вообще весь их класс? Он потом никого не видел, хотя это было странно вообще-то. Как будто все провалились сквозь землю. Хотя, наверное, никуда они не проваливались. Наверное, они все просто успели домой раньше, чем задержавшиеся на вокзале Вовка с Санькой. Ну и остались среди развалин трехкорпусной шестнадцатизэтажки. Скорей всего так...

Вовка болел потом лучевой болезнью, но не тяжело, так – появилась пара язв, сильно лезли волосы, а еще потом все прошло. Он вообще подозревал, что большинство людей все-таки погибли не во время войны, какой бы страшной она ни была (хотя самой войны он почти не видел, если не считать тех двух боеголовок и бомбежки перед ними – она их города не коснулась совсем), а в первый же год после нее. Замерзли или перемерли от болезней и голода. Ну и были убиты. Убивали в те дни друг друга с невероятной легкостью, и даже те, кто объединялся в группы и группки, чтобы «защищаться», обязательно скатывались на грабежи и убийства.

Вовка это знал по своей собственной прошлой компании, к которой прибился через три дня после того, как остался совсем один.

В тот первый год в городе еще хватало людей. И сначала не очень стреляли, после того как перебили всех «чужаков» – кавказцев, азиатов, китайцев, еще кого-то, многих за какую-то прежнюю вину, других – просто со страху... Это произошло очень быстро, расправы были жестокими и кровавыми. А дальше – так... копошились, искали своих, даже, кажется, пытались что-то «восстановить». Кажется, появился даже мэр города – новый, опять «законно избранный». Или просто кто-то себя объявил мэром, черт его знает... Но все равно никто толком не знал, как и что нужно делать, а главное – зачем это делать. А потом похолодало, натянуло с юго-востока плотные бурые тучи и стал идти снег, хотя было еще рано не то что для снега, но и просто для серьезных холодов. И дул ветер, сильный и постоянный. Снег шел, ветер дул... И как будто

засыпало и сдуло всех людей.

Вовка вспомнил, как сидел на крыше в обнимку с автоматом – этим самым, который у него сейчас, – и смотрел на тучи. Небо яркое, голубое, светит солнце, а город внизу неожиданно яркий, тревожный, разноцветный – особенно резко бросались в глаза зелень деревьев и оранжевые сполохи солнца во множестве окон. Ужасным хором выли собаки. На фоне неба метались стаи кричащих птиц – хаотично, безумно, то и дело валились наземь птицы, разбившиеся в столкновении. А покров туч напал медленно-медленно, но неотвратно. Он был шевелящийся, плотный, комковатый. Вовка смотрел, смотрел на небо – как будто хотел его навсегда запомнить. Потому что каким-то уголком разума понимал: эти тучи придут навсегда. Он следил глазами за уменьшающейся полоской чистого неба, следил, следил умоляюще, надеясь, что она все-таки не погаснет до конца, что темный полог остановится...

А когда тучи затянули все небо – Вовка ушел вниз.

Больше он не видел ни неба, ни солнца. Ни луны, ни звезд, ни-че-го. Тучи ползли, летели, набухали, клубились, густели, лили холодные унылые дожди, от которых жухли листва и трава, тучи опускались все ниже и ниже... а потом как-то... закаменели, что ли... и однажды разродились снегом – и он шел, шел, шел...

Иногда Вовке казалось, что он и не жил в те дни, а где-то их проспал, видел какие-то сны, дикие и жуткие – и проснулся в уже пустом мире, темном, замороженном, ветреном и заснеженном. И с тех пор живет в нем, ходит по нему... если только и это все ему не снится...

«Тут кто-то есть», – это Вовка додумывал, уже присев на корточки за стеллажом, погасив фонарь и по-боевому выставив небрежно обмотанный белой лентой ствол автомата.

Он сам не отдавал себе отчета, откуда пришла эта мысль. Пожалуй, он и осознал ее позже, чем занял позицию. Но эта мысль была одновременно и уверенностью.

Собака или кошка? Вовка не думал, что эти животные уцелели. Во всяком случае, они могли уцелеть только рядом с человеком[4 - Герой рассказа слегка ошибся. И собаки и кошки показали чудовищную адаптивность в те годы. Многие устойчивые популяции обнаруживались в безлюдных районах. Хотя, конечно,

основная часть пород уцелела рядом с человеком и находилась в зависимости от него.]. Он давно их не видел. Так что это не кошка и не собака – а человек. Или, что вернее, – некто, бывший когда-то человеком.

Дальнейшее Вовка делал тоже без участия рассудка. Он, по-прежнему держа автомат по-боевому в направлении звука, слышанного последний раз, нагнул голову пониже, приставил ко рту левую ладонь, направляя звук в пол, и со злобным весельем резко крикнул, казалось, полную глупость:

– Эй, а я тебя вижу!

И это сработало.

Впрочем, это срабатывало часто...

Вовка услышал полный ужаса вскрик, тонкий, слабый, и тут же – быстрый топот, какой-то не очень серьезный, как будто и правда собака бежала. Но бежали на двух ногах, да и вскрик был человеческий. Тут же стало ясно, где незванный гость, – и Вовка, включив фонарик, пригвоздил того к месту лучом и выкриком:

– Стоять, козел!

Вообще-то вместо выкрика Вовка хотел дать короткую очередь – и все. Финал, точка, решен вопрос. Но снова сработали какие-то инстинкты – в бело-голубом мощном луче Вовка увидел буквально влипнувшую в обитую серым гипсокартоном стену маленькую бесформенную фигурку. И вместо пуль послал слова. Правда, эффект оказался почти таким же, как от пуль. Поднимаясь, Вовка удивленно всматривался в посетителя склада. Ворох тряпок, в котором с трудом можно было узнать пуховик, меховую шапку, теплые штаны, вроде бы – утепленные кроссовки. Все это обмотано-перемотано для тепла разной рванью. Этотдвигающийся кулек мелко дрожал, как будто его било током. Но молча, не издавая больше ни единого звука.

Вовка на всякий случай осмотрелся снова, посветил вокруг, хотя и слух и инстинкты подсказывали ему, что тут больше нет никого. Потом неспешно поднялся и подошел к гостю. Дернул на его лице рыже-черное тряпье – подобие маски.

На него с серого от въевшейся грязи лица смотрели полные ужаса остановившиеся светло-карие глаза, огромные и мокрые от слез, которые не могли пролиться от страха. Дрожал приоткрытый беспомощно рот.

Это был ребенок. Лет 6-8.

Вовка изумленно отстранился. Спросил резко, чтобы убедиться:

– Ты один?

Вместо ответа малыш быстро закрыл лицо обеими руками – жутким и наивным жестом, который, видимо, у детей ничто не может изжить: если я не вижу страшного, то оно тоже меня не увидит и уйдет, не тронет, минует.

Вовка постоял напротив ребенка с полминуты. Размышлял, разглядывал такую неожиданную, почти сказочную находку. Потом спокойно взял его за шиворот и потащил за собой. Тот вскрикнул – слабо, обморочно – и попытался укусь Вовку, но получил сильный и точный удар в грудь кулаком.

– Иди за мной, – тихо, но зло сказал Вовка задохнувшемуся мальчишке. – Или я тебя пристрелю прямо тут. Ну?!

Рывок за шиворот. Мальчишка сник и, прижав к груди кулак, потащился за Вовкой...

– Рюкзак клади сюда, – Вовка закрыл шлюз, ткнул на пол у двери. – И стой жди, я сейчас.

Навьюченный найденыш тяжело дышал и даже пошатывался – рюкзак был нелегким, и груз скинул с явным облегчением. И остался стоять на месте, вроде бы глядя в пол, но в то же время явно озираясь. Вовка, раздеваясь, бросил на незваного нежданного гостя взгляд и усмехнулся – любопытство у него все еще сильнее страха, хорошо.

– Ты говорить умеешь? – спросил он, ставя на печку, которая еще не успела прогореть, цинковый таз и наливая в него ту воду, которая оставалась в принесенной в прошлый раз бутылки. Вопрос когда-то мог бы показаться глупым.

Когда-то – да. Не сейчас.

– Да, – раздался еле слышный писк из тряпок.

– И меня понимаешь? Все понимаешь, что я говорю? – Вовка подошел ближе, всмотрелся в лицо ребенка.

– Да, – вроде бы кивок.

– Тогда раздевайся. Тебя надо вымыть... Быстро раздевайся, я сказал! – повысил Вовка голос, видя, что тот испуганно медлит...

Одежда на мальчишке – это оказался действительно мальчишка – разваливалась под пальцами. И была мала, а для тепла использованы всякие накрученные тут и там тряпки. Видимо, он не снимал ее уже давно. Нижние штаны были мокрые – описался от страха там, на складе. Вовка pokrивился, но без особой брезгливости, скорее по привычке. От найденыша в тепле начало отвратительно вонять, но это был запах не болезни какой-то, а просто предельной запущенности.

Мальчишка был невероятно, ужасающе грязный и еще – еще вшивый. Длинные волосы, намертво сбитые в сплошную густую массу, кишели этими тварями. Но, хотя и голодный, – не истощенный. Видимо, ему тоже повезло с едой, а когда она кончилась – ясное дело, выполз искать еще. И не нашел, где ему... Хотя – ха, нашел как раз... Как еще с ума не сошел или не одичал совсем. Хотя мелкие – им сходить особо не с чего.

Вшей подхватить – вот этого Вовка побаивался сильно. У него их никогда не было, даже в самые тяжелые дни, и начинать знакомство он не собирался. Поэтому первым делом просто-напросто обрил пацана наголо станком, поставив его на свету около открученной почти на полную мощность лампы и внимательно глядя, чтобы ни одна тварька никуда не уползла. Потом старательно упаковал рванье и состриженные колтуны в мыльной пене в плотный пакет – и вышвырнул его в коридор. Мальчишка стоял на том месте, куда его поставил Вовка, вздрагивал и переминался с ноги на ногу. Молчал, только иногда хлюпал носом: не от простуды – от страха, наверное.

– Холодно, – наконец робко выдохнул он.

Вовка хмыкнул, попробовал пальцем воду, вытер палец о штаны и спросил:

– Ты человечину ел?

– Нет, – мотание головы, не поспешное, а скорей испуганное и искреннее. – Я консервы ел. Там много было. И такие в пакетиках... сухие палочки и завитушки. И печеньки.

– Ясно. – Вовка не стал уточнять, где это «там», потому что, раз пацан оттуда вылез в жуть снаружи, значит, «там» уже ничего не осталось. – А с тобой был еще кто-нибудь?

– Не-е-ет... – выдох и всхлип.

– Ладно, тоже ясно... – Вовка опять побулькал пальцем в тазу. – Сам сможешь вымыться?..

Им двигала вовсе не доброта или гуманность. Пятнадцатилетний подросток, который потерял все на свете, включая привычный мир... а потом потерял и тот мир, который пришел было привычному на смену – и попал, похоже, в ад... а потом убил двух ровесников и ровесницу – которые, впрочем, пытались втроем убить его, так что все логично... и еще много кого убил, от крыс до взрослых убийц... – так вот, такой подросток не будет маяться добротой или гуманностью.

Нет. Странно, но им двигало чувство, редко встречавшееся у его сверстников в чистом виде, – рационализм. Голый рационализм.

Мальчик был напуган. И был моложе его – намного, лет на шесть, может – на восемь. Первачок. Малыш. А значит, он не мог представлять особой опасности для него. Но с другой стороны – он был не таким малышом, о котором надо постоянно тупо заботиться, который только сиську сосет, срется под себя и орет; он, раз выжил, был сильным и не трусливым, он мог нести более-менее большой груз, мог дежурить, наконец, если понадобится. В-третьих, он все-таки маленький. В смысле маленький по мозгам, так сказать. И из него можно вылепить что угодно. Это была рациональная и очень жестокая сторона мыслей, да к тому же не самая насущная, но она была, и Вовка это осознавал: если он хочет жить – а он хочет жить, – то он должен думать о будущем. А в будущем

вдвоем лучше, чем одному. Но надо, чтобы второй был послушным. Не равноправным партнером, не другом – не хватало еще друзей! – а вроде слуги-холопа у рыцаря. Вот так-то. Точно, так и есть. А потом он, Вовка, найдет себе девчонку, обломает, если станет ерепениться, и будет ее трахать... и, может быть, заведет детей – как дальше вокруг станет, посмотрим... Была и четвертая сторона, самая человечная – Вовке осточертело одиночество. Это он так говорил себе – «осточертело». На самом деле он его уже откровенно боялся. Особенно по ночам, перед тем как заснуть. Одиночество хихикало в углах и подкрадывалось, чтобы усесться на грудь и смотреть в глаза сквозь темноту. Признаваться себе в этом страхе – значило стать слабым. А слабые все умирают.

Умирать Вовка не хотел. Нет, иногда ему хотелось умереть так – лечь, закрыть глаза, заснуть и не проснуться. Но такой смерти в мире не осталось. Этот мир был вообще-то щедр на смерть, но смерть гадкую, неприятную и долгую. А такой – нет, не хотел Вовка себе такой смерти...

Мальчишка между тем вымылся несколько раз – с удовольствием. Вряд ли ему так нравилось наводить чистоту, просто, очевидно, приятной была горячая вода. Вовка, занимавшийся обедом, обратил на него внимание, только когда услышал тихое:

– Я все...

– Иди, поешь, – сказал он тогда, ногой двинув по полу открытую банку консервов – разогретый рис с говядиной. Он говорил так, как говорил бы со щенком. И младший мальчик вел себя как запуганный голодный щенок, которому вдруг бросили вкусный кусок: здесь были страх, голод, надежда, жадность, поспешность, готовность заскулить и опрометью метнуться прочь... Он присел на корточки и, схватив банку, запустил туда пальцы.

– Вилку! – повысил голос Вовка и бросил мальчишке пластмассовую вилку.

Тот, заморгавший и сжавшийся от окрика, вилку тем не менее поймал, но только недоуменно покрутил в пальцах, чуть сводя брови. – Не знаешь, что это такое? – Вовка кинул ему и запасное одеяло. – Завернись пока... А имя помнишь свое?

– Я... не помню, как меня звали, – покачал головой мальчишка. Неуверенно пустил вилку в ход, как будто вспоминал что-то давно забытое.

– Ладно. – Вовка полулежа устроился на кровати. – Мне вообще-то и насрать, как тебя звали. Я тебя буду звать Мелкий, и все. А меня зови Вовка.

– Вовка, – послушно повторил мальчик. – Хорошо... – Он все-таки выговаривал слова неуверенно – наверное, давно ни с кем не говорил.

– Теперь дальше, – продолжал Вовка, садясь на топчан. – Если будешь красть что-то, вообще брать или находить и прятать что-то, что не я тебе дал... если будешь врать мне хоть в чем-то... если ослушаешься хоть какого-то моего приказа – я тебя вот такого просто вышвырну на улицу. Даже без одеяла. Сколько ты протянешь, а?

– Я... не буду... – пошевелил губами Мелкий и чуть не уронил и банку и вилку. – Честно... не выгоняйте меня... я не хочу умирать... – Его глаза плеснули черным ужасом, он все-таки уронил все из рук, судорожно спрятал лицо в ладони и задрожал, но плакать не посмел. Вовка хмыкнул – ему не было жалко младшего, а урок тот явно усвоил с первого раза. Вот и хорошо. Бить его или еще как-то учить жизни тоже не хотелось. Стыдно, что ли, было? Не хотелось, и все тут.

– Ешь давай, – кивнул Вовка. – И можешь лечь отдыхать. Вот сюда, на топчан. Я потом тебе подберу всякое-разное барахло, его тут полно.

Глава 2

$1+1=2$. $2+1=3$. $3+1=...$

Если б были все в одиночку,

То давно б уже на кусочки

Развалилась бы, наверное, Земля...

В. Потоцкий. Ты, да я, да мы с тобой...

– Вов, вставай, завтрак готов.

Вовка повел плечами и подумал – еще сонно, – что немного обленился. Потом повернул голову. Мелкий стоял рядом, с ответственным видом держа в руках дымящуюся тарелку. Смешно топорщился русский отросший ежик волос.

Уже привычная картина за последние три недели. Только ежик постепенно подрастал себе.

– Встаю, – буркнул Вовка и все-таки спрятал лицо в подушку, чтобы еще немного полежать. – Поставь тарелку на тумбочку.

Мелкий так и сделал (там уже стояла дымящаяся кружка с чаем), а сам тихо переместился в угол, где аккуратно лежали и были расставлены его игрушки – не очень много, хотя Вовка не запрещал ему их брать, если они находились где-то.

– Ты зубы чистил? – строго спросил Вовка, садясь наконец на топчане и обеими руками лохматя волосы.

Мелкий откликнулся, не глядя:

– Ага... А мы сегодня пойдем куда?

– Гляну. Позавтракаю и гляну. Пока вроде бы не надо ничего. Если только просто сходим воздухом подышим.

Мелкий не оценил шутку и тут же снова углубился в игру. Как все дети, он умел отключаться от внешнего мира полностью и уходить в какие-то свои фантазии, становившиеся в такие моменты реальней окружающего. Вовка посидел, глядя на то, как, стоя на коленях, Мелкий что-то очень важное перевозит на грузовичке, тихонько озвучивая работу мотора, – он помнит этот звук? Может, отец его был водилой? Вовка позавидовал немного. Потянулся. И встал – умываться...

Самым удивительным было, что Вовка вскоре после появления в «бункере» младшего мальчишки поймал себя на мысли: а ведь ему вовсе и не хочется

дрессировать Мелкого или как-то проявлять свою власть. Он был сильнее и опытнее настолько, что заниматься такими глупостями смешно. А дрессировать – так что дрессировать, если Мелкий и без этого старательно выполнял все, что ему говоришь, быстро учился и ничему не перечил. Нет, Вовка иногда гаркал на него, часто отпускал подзатыльники и щелбаны – почти без повода, но иного стиля общения с младшими он никогда и не придерживался. Даже... даже в ушедшем мире. А Мелкий-то ничуть и не обижался.

И что интересно – Вовка заметил занятную особенность. Хорошую. Мелкий не скрывал обиду из страха перед Вовкой. Он и правда не обижался. На самом деле. А страх, который был у мальчишки вначале, растворился. Исчез. Очень быстро, буквально за пару дней.

И еще с ним было очень приятно спать на одном топчане. Мелкий был теплый, всегда уютно сопел, когда заснет, и норовил во сне обнять Вовку руками – смешно так... А что иногда он вскрикивал и метался, не просыпаясь, – так и у Вовки было то же самое... а вместе, кажется, это случалось реже у обоих. Как будто они друг другу помогали бороться с одиночеством и тоской. Мелкий уползал поглубже в спальник и старался уткнуться Вовке куда-нибудь за ключицу или вообще в бок. И засыпал почти тут же, как будто в нем поворачивали какой-то выключатель. А если шевельнешься порезче – что-то тихо бормотал про маму и папу. Но и тут не просыпался.

Одиночество его боялось и не показывалось больше. А может – не его, а их?

А однажды, когда посреди ночи Вовка встал – чего с ним обычно не бывало – отлить, то в разгар своего занятия услышал, как Мелкий ползает в спальнике и хнычет. Он и на этот раз не проснулся толком, но в вернувшегося Вовку судорожно вцепился со всхлипом и тут же успокоился опять.

Вовка как-то раз честно спросил себя перед сном вечером: а ты, случайно, не?... В том лагере у него как раз была первая в жизни «связь» (идиотское слово, если подумать) с девчонкой, потом, в умирающем городе – чередой ни к чему не обязывающих «трах-трах», не сказать, чтобы частых, но не один раз и не десять даже. Как результат – девчонку ему хотелось часто. И временами очень сильно. Так сильно, что приходилось прибегать к крайним мерам.

Но и организм и мозги в дружном союзе спокойно ответили на вопрос хозяина, что хочется – именно девчонку. И Вовка успокоился. А Мелкий о таких вещах и вовсе, похоже, не задумывался – срок не пришел. Восемилетние мальчишки проявляют интерес к девчонкам, только если этот интерес специально пробуждают и старательно подогревают взрослые дураки или сволочи... «Ну а когда придет время... может, как раз найдем ему какую девчонку, – подумал Вовка. – Нарожают мне типа крепостных крестьян. Много».

Но от этой мысли ему стало еще тошней, чем от первой, хотя казалось бы – куда уж отвратительней? И об этом он тоже больше не думал. Не запрещал себе думать, а именно не думал...

Мелкий Вовку часто смешил. Когда Вовка слышал первый раз вызванный какой-то его выходкой свой смех, то изумился и даже огляделся: что за звуки? Смех был неумелым, странным, даже страшным, пожалуй. Вовка подумал, что до войны, услышь он такой смех, – решил бы, что смеется сумасшедший.

И задумался над этим...

А вот давать Мелкому автомат или нет – вопрос у Вовки даже как-то не возник. Младший мальчишка из маленького арсенала Вовки получил «АКМ-74У» на пятый день проживания в «бункере» – и отнесся к оружию очень ответственно, надо сказать. Быстро его освоил и полюбил, кажется... Видимо, с оружием он чувствовал себя сильным и в большей безопасности. А это вещь такая... важная вещь. Был Старший Вовка. Был Настоящий Автомат. И был Дом. И игрушки... Кажется, Мелкому этого вполне хватало...

А вот вчера вечером, – вспомнил Вовка, садясь есть и продолжая наблюдать, как Мелкий играет с грузовичком, – Мелкий его, Вовку, напугал. Здорово напугал. Они просто лениво про что-то разговаривали, и вдруг Мелкий спросил:

– А зеленые деревья – как это?

Вовка осекся на полуслове. Непонимающе посмотрел на младшего мальчишку. Что за чушь он спрашивает: «как это – зеленые деревья»? На них зеленые лис...

Тут до него дошел наконец смысл вопроса, и, глядя в любопытные, чистые глаза Мелкого, Вовка почувствовал страх.

Мелкий не помнил зеленых деревьев. Он знал только, что деревья – это черные и серые большие палки, утыканные палками поменьше, которые кое-где торчат на улицах. Ничего зеленого в них не было, конечно.

Вовка засуетился. Хотел было объяснить на словах, но потом спохватился. Включил ноутбук и сам сел к экрану. Подтянул Мелкого, тоже суетливо, и сказал: «Вот, смотри, вот это деревья... – и добавил поспешно: – Настоящие!»

Мелкий смотрел внимательно, почти не дыша...

Ноутбук Вовка нашел полгода назад на каком-то замерзшем мужике. Наверное, тот упал от голода и замерз. Хороший ноутбук, до войны такой мог стоять тысяч тридцать или даже побольше. И куча заряженных восьмичасовых батарей, штук десять, не меньше – тоже была. А в самом буке не оказалось ни игр, ни вообще ничего, почти вся нехилая память была забита книгами, фотками картин, чертежами, песнями, фильмами... Вовка иногда смотрел кое-что – но музыку или кино не включал ни разу, боялся, что разобьет ноут. Почему-то так чувствовалось, отчетливо.

Мужик, наверное, был из тех, кто раньше называл себя выживальщиками. Вовка про них несколько раз читал. Но, видимо, его знания тут не смогли помочь. Умер выживальщик, и все. Все умирают. «Или живут все – или умирают все, выжить в одиночку не получается», – иногда думал Вовка вопреки собственному существованию. И пугался, когда осознавал, что не слишком-то причисляет себя к живым...

На ноуте, кстати, было сколько-то чистого места, и Вовка хотел было вести дневник – пришла такая мысль, – но потом ему стало смешно от этой самой пришедшей мысли, и он так ничего и не завел. Зачем, для кого? А вот теперь машинка пригодилась...

На экране шумели зеленые деревья, и Мелкий вдруг сказал неуверенно:

– А я помню... на них должны быть птицы... живые... И еще разные кошки на них. Которые птиц едят. Такие небольшие, с хвостами.

Вовка нашел ему в компьютере птиц. И кошек...

– Вовка, а можно, я спрошу? – отвлек Вовку от завтрака (это была яичница из порошка, с ветчиной) и размышлений голос оставившего грузовик Мелкого. Он сидел боком, упершись в пол рукой, и смотрел на старшего.

– Угу. – Вовка хрустнул соленой галетой.

– А на свете еще есть люди? Хоть сколько-то? Или только мы?

– Есть. – Вовка со вкусом отпил чай. – Наверняка. Людей было много, все погибнуть не могли. Е-е-есть где-нибудь.

– Вовка, а почему мы к ним не пойдём?

– Куда? – Вовке было лень обрывать малька, пусть треплется. И самому в ответ – почему не поболтать? – В городе или нет никого давно, или прячутся хорошо. Я вообще знаю, как куда добраться, но ты тыквой-то подумай: снегопады, ветер иной раз крыши срывает, сам видел. – Мелкий кивнул. – Куда мы пойдём-то? Нас за околицей или заметет, или просто в сугробах застрянем... Да и вообще. – Он кивнул на радиоприемник: – Вон стоит. Я раньше часто слушал. А потом и бросил – по-моему, полгода назад последняя станция заткнулась. Какие люди? Мы к ним выйдем, а они хавку отберут, одежду отберут, а нас к стенке, и все. Или самих схавают. Ты про людоедов знаешь?

Мелкий кивнул, глаза наполнились невыразимым ужасом. Но он все-таки твердо сказал ломким голосом:

– Люди людей не едят. Это разные дикие только, я... в книжках читал. Я помню, – закончил он несколько удивленно. – Или, может, мне читали... – Он потер лоб пальцем, пытаясь вспомнить.

– А сейчас все дикие, – ответил Вовка и кинул Мальку галету. – На, лопай.

– А я, можно... – Мелкий захрустел галетой. – Я, можно, еще спрошу?

– Валяй.

– А твои папа и мама... – Мелкий сбился, чуть съежился, но Вовка пожал плечами:

– Погибли. Я из лагеря вернулся, а весь центр в развалинах.

– А ты их не искал? Вдруг они уехали?

– Не искал. Да не уехал никто никуда, не успел. Нам военный так сказал. Мне и Сашке. Это дружбан мой... был.

– Военный сказал?

– Ну да, наш военный. В смысле русский.

– Наш – это русский?

– Ну да.

– А кто такой военный?

– Это человек, который воет... Слушай, заткни ты пасть галетой и хрусти, а то как дам!

Мелкий заткнулся, сделав вид, что очень испуган...

Мелкий, которого звали Петькой и который вспомнил это совсем недавно, но не говорил, потому что Вовка приказал не говорить, – не сердился на Вовку. Ничуть. Ни капли. Вовка для него был... был всем. Ничего такого в прежней жизни мальчика, которую он не очень хорошо помнил, и не только из-за возраста, еще и потому, что ужас, к счастью, стер большую часть памяти, – не встречалось. Он даже не помнил, как и почему остался жив и выжил вообще. Что делал, где жил – почти не помнил и не стремился вспомнить. Рядом был Вовка – вот и здорово!

Вовка был Вовка. И все, что он делал, что говорил, было хорошо и правильно. Даже когда он делал больно или ругался. Это всего лишь значило, что он, Петька, где-то ошибся. «Накосячил». Никакие иные мысли мальчику в голову не приходили.

Вовка его спас. И что пригрозил сначала – тоже ничего. Мир злой. Страшный. Пустой. Холодный. А Вовка добрый...

– Ты добрый, – вырвалось у прожевавшего галету Мелкого.

Вовка вытаращился на него. Даже рот приоткрыл. Поскреб, опустив глаза, вилок по тарелке. Потом хмыкнул:

– Ну, тебе видней... – и вдруг спросил: – Слушай, Мелкий, а ты своих вообще не помнишь?

– Собаку вспомнил. Когда вчера компьютер смотрели. Таксу, – ответил Мелкий. – И все. Больше ничего. Потом только магазин помню, где ты меня... нашел. И еще как будто кусочки в голове пересыпаются. – Он вздохнул, и Вовка поспешил заговорить о другом:

– Сейчас урок повторим и пойдем прошвырнемся.

– Ага, – с готовностью кивнул Мелкий. – Вот тут я помню все, – самодовольно похвалился он и, вскочив, потащил из тумбочки книжку с надписью «Хранители» на обложке...

Как пришла в голову мысль учить Мелкого читать и писать, Вовка потом не мог и вспомнить. Наверное, со скуки. А вскоре он увлекся сам, и здорово увлекся. Мелкий учился очень быстро и охотно – Вовка даже подумал, что, кажется, мальчишка умел читать и раньше, а теперь просто вспоминает. Ну а что? В пять лет, даже в четыре года вполне мог уметь читать.

А эту книжку они подобрали несколько дней назад. Вовка ее раньше не читал, только смотрел фильм. В книжке рассказывалось почти о том, что и фильме, но не совсем. И трудно было объяснить Мелкому, что такое «фантастика». Кажется, он так и не поверил до конца, что писатель Толкиен просто выдумал все, что написано в книжке. Может, даже думал – с Вовкой он про это не говорил, – что раньше мир как раз и был такой? Кто знает...

Но пойти сразу не удалось. Мелкий попросил еще раз показать на ноуте деревья, и Вовка даже без ворчания включил аппарат. Пока тот запускал программы,

ВСПОМНИЛ:

– Были такие печки, я читал... к ним можно ноутбуки подключать и всякое такое разное. Топишь дровами, а она ток вырабатывает. Если найдем – возьмем.

– А что – разное? – заинтересовался Мелкий.

Вовка пожал плечами:

– Ну... разное. Телефоны там. Аккумуляторы. Много всякого. Раньше ток много для чего был нужен.

– А давай такую печку поищем?

– Да я, понимаешь, не знаю – где, в каких магазинах... Вот, смотри, ты что хочел-то? – Он толкнул Мелкого в затылок, поворачивая его голову к экрану.

Мелкий смотрел ролики внимательно. Потом сказал задумчиво:

– Сколько людей... Вов... а они все были плохими?

– С чего ты взял? – удивился Вовка. Вспомнил прошлое и пояснил: – Ну... плохих было много, конечно. Но большинство так... обычные. Ну, обычные, короче. – Вовка не мог объяснить лучше и немного разозлился. Однако Мелкий слушал внимательно и понимающе, а потом спросил неожиданно:

– А если они были не плохие – почему они друг другу не помогли? Вместе же легче.

– Новости. – Вовка опешил. – Как бы они помогли?

– Ну... – Мелкий задумался. – Ну, я не знаю. Вот как ты мне. Ты же меня не убил. И тебе со мной не так скучно, я тебе помогаю, где могу... Смотри, вот какой у нас склад – с него бы человек... человек десять могли бы много-много лет есть. И вообще можно было бы много сделать разного... Вот тут есть фильм такой – как под землей разную еду выращивать. Только мы вдвоем не сможем, а было бы нас десять – может, смогли бы? Вот я и спрашиваю – почему люди друг другу не

помогли, если они были не плохие? Собрались бы, продукты собрали бы, и вообще... И жили бы все вместе. А плохих бы поубивали, и все.

Вовка ошеломленно слушал Мелкого. Потом несколько раз открыл и закрыл рот – когда тот замолчал. И признался:

– Слушай, Мелкий, я не знаю, что тебе сказать. Я... – Он поморщился и неохотно продолжил: – Я ведь, например, сначала не один был. Нас команда целая была... мы просто вместе собрались. Пацаны, девчонки... человек двадцать. Мы даже не знакомы были до войны. Сбились вместе, жили у одной девки на квартире, я не знаю, куда ее предки делись. Оружие достали. Ну, говорили, что будем обороняться. Было от кого... и такие же малолетки, и взрослые еще хуже... Сперва, правда, оборонялись только. Потом, когда погода стала... ну, ухудшаться, то еду стали отнимать. Не всегда, искали сами, но если что – и отнимали. Убитые у нас уже были, кто-то от ран умер... Отнимать плохо, ну, мы так говорили: а делать-то что? А потом... – Вовка провел по глазам рукой. – Потом мы семью убили. У них много консервов было, мы их в подвале нашли. Хотели сперва забрать половину. А потом мужика и пацана убили, а женщину... в общем... Не все. Я не стал, еще кто-то не стал. А остальные – да. И девчонки некоторые смотрели и ржали. А потом они же ее и добили. А дальше уже все...

– Что все? – тихо спросил Мелкий. Его глаза поблескивали в казавшемся тут странным свете экрана ноута.

– Да все... – Вовка вздохнул. – Как будто какое-то важное правило рухнуло. Я даже и не помню толком, что там было... да и не хочу вспоминать. Нас в конце концов всего четверо осталось – двое пацанов, девчонка и я. Остальных перебили – ну, такие же, как мы. Кого-то съели... И мы тоже много кого убили, только до человечины не докатились... Я ногу сломал. Сорвался с балки. Ну вот. Лежу как-то ночью, нога болит... И слышу – наши обсуждают, что со мной делать. И девчонка... а мы уже неделю голодали... короче, она и сказала: надо, мол, добить и съесть, он все равно не ходячий. Пацаны помялись и согласились.

– И?... – Мелкий сглотнул.

– Ну тут я просто стрелять начал. Сразу. В ответ только один пацан успел выстрелить, попал мне вот сюда, – Вовка хлопнул себя по бедру. – Я их положил и уполз в туннель... Вообще-то подышать уполз, – признался он после короткой

паузы. – А тут этот склад и вот... коллектор. Знаешь, Мелкий, – Вовка подпер подбородок кулаками, – я не знаю, поймешь ты, что я сейчас... я и сам не очень понимаю... Но вот я до войны книжку читал, нам в школе задали... Про другую войну... про Великую Отечественную. Там окружили такой город – Ленинград. Большущий город. Ну, потом его Петербург стали называть. Совсем окружили, на несколько лет. И там не было ни еды, ни топлива. Так вот за все те годы людоедства было всего с дюжину случаев.

– Дюжину? – непонимающе переспросил Мелкий.

– Ну, двенадцать... Дюжина – это так двенадцать называется... Люди от голода умирали, на улицах, прямо в домах умирали... а все равно что-то строили, делали, да еще от врагов оборонялись. И никому в голову не приходило съесть соседа. А у нас получилось совсем не так. Я несколько раз думал – почему? И я вот думаю: у тех людей в жизни был смысл. Ну, они Родину защищали, верили во что-то там такое... А мы – нет. Просто толпа народу, и никакого смысла. А если нет никакого смысла и веры никакой нету, то почему не съесть соседа? Может, мало быть обычным человеком или даже неплохим, а надо... ну, надо, чтобы у тебя что-то большое было... больше тебя и даже больше, там, например, семьи, потому что ведь своих детей тоже можно человечинной кормить – потому что ты их любишь и хочешь, чтобы они жили... Я видел... ну, когда снег еще не совсем лег, – тут, на окраине, есть место, где одна семья целую ферму сделала. Детей наловили, там держали и ели их. Пересидеть хотели... холод и все такое прочее. Мы когда нашли это место, то их сразу перебили всех, все там сожгли, а сами потом почти такими же...

Вовка замолчал и молчал долго. Молчал и Мелкий. И вдруг Вовка тихо сказал – сказал не Мелкому даже, а самому себе:

– Я сейчас думаю... если бы я тогда... в самый первый раз... когда наши ту семью в подвале убивали... если бы я это дело прекратил... хоть как... хоть стрельбой – может, все было бы иначе? – Он мотнул головой. – А, ну его на фиг... Одевайся, пошли!

* * *

Ночью ему приснились родители. Они садились в машину у подъезда. Мама беспокойно оглядывалась, а папа добродушно ворчал: «Да прибежит он сейчас,

не суетись ты...»

Лиц у них не было. Вернее, они были – просто Вовка не мог их рассмотреть. Он не прибежал, они остановились на вокзале выпить купленного каким-то дядькой по их просьбе пивка, и он не прибежал. Если бы он прибежал, то они бы погибли все трое, и было бы хорошо. Не было бы мучительно невидимых лиц.

Вовка проснулся от всхлипов. Мазнул рукой по щекам – они были мокрые. Полежал, глядя в темноту, мысленно обещая, что в следующий раз, если Мелкий начнет такие разговоры, то получит ремня.

Он долго боялся заснуть, чтобы снова не увидеть тот же сон. Лежал и думал про людей. Вдруг очень захотелось, чтобы люди где-то были. Нормальные люди. Как в кино про такие вещи. Нормальные люди обязательно должны быть. На каком-нибудь острове. Или в горных пещерах. Или еще где-то. На базе на какой-нибудь. На секретной. Живут там себе сейчас, пьют кофе и думают, как им спасти мир.

Его собственный опыт подсказывал ему, что так не будет. Люди оказались дерьмом и сдохли или убили друг друга. Но что-то – что-то, чему он не находил имени, – отрицало этот опыт яростно и непреклонно. И сегодняшние слова Мелкого – глупые слова – не давали покоя, как-то подтверждали то, против чего восставал весь Вовкин опыт.

И Вовка вдруг задумался.

Он впервые задумался над этим.

А кого, собственно, он называет нормальными людьми? Тех, кто откроет люк и скажет: «Ты в порядке, парень? Давай выходи. Мы тут построили школу и вообще восстановили все, так что будем жить дальше».

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Стихи М. Струковой. Именно этой песне позже предстоит стать официальным гимном Русской Империи. – Здесь и далее примеч. автора.

2

ФЗУ – фабрично-заводское училище, СХШ – сельскохозяйственная школа. Подробнее о них рассказано в части первой.

3

Из песни «Волки» группы «Медвежий угол».

4

Герой рассказа слегка ошибся. И собаки и кошки показали чудовищную адаптивность в те годы. Многие устойчивые популяции обнаруживались в безлюдных районах. Хотя, конечно, основная часть пород уцелела рядом с человеком и находилась в зависимости от него.

Купить: https://tellnovel.com/vereschagin_oleg/vozrozhdenie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)